

И. Шафаревич

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ БУДУЩЕЕ?

I

Едва только стал к нам возвращаться дар свободной мысли, а уже возник этот страшный, но неизбежный вопрос: КАКОВО БУДУЩЕЕ РОССИИ И НАШЕ МЕСТО В ЕЕ СУДЬБЕ? Как ни отпугивает он своей непосильностью и неразрешимостью, о нем нельзя не думать, от ответа на него зависят ответы на остальные вопросы жизни.

А думать страшно, потому что возникает сомнение, которое жутко и выговорить: ЖИВА ЛИ ЕЩЕ РОССИЯ? Ведь жизнь и смерть народов не так резко разграничены, как у живых организмов. Историческое предназначение народа может быть исполнено, творящая душа может его уже покинуть, а тело его - государство - будет десятилетиями активно: казнить еретиков или покорять соседей. Для великой страны ЖИТЬ - не означает лишь не распадаться на части и сводить концы с концами в своем хозяйстве. Она должна еще осознавать ту цель, ради которой существует, свою миссию в мире. Есть ли сейчас у России такая миссия?[1]

Недавно, в одном из самых ярких и умных произведений, которые дала русская мысль после революции, А. Амальрик[2] предложил ответ на этот вопрос. На основе многих тонких наблюдений и исторических параллелей он пришел к выводу, что Россия приближается к завершению своего исторического пути. По его мнению, некоторое смягчение строя не свидетельствует о начале продуманной политики либерализации: оно есть признак одряхления режима, который не способен ни изменяться в ответ на требования жизни, ни достаточно эффективно бороться с сопротивлением, которое встречает. Но нет и других сил, способных претендовать на руководство жизнью. Интеллигенция, или средний класс, как ее называет автор, проникнута бюрократической психологией, культом покорности, она бессильна выработать независимую точку зрения или организовать. Христианская мораль выбита и выветрена из сознания народа, который способен уважать лишь **силу**, но не **личность и свободу**. Русскому народу, считает автор, вообще чужда идея равенства всех перед законом, идея свободы и вытекающей из нее ответственности, он отождествляет свободу с беспорядком. Вместо нее у народа есть другая идея - справедливости. Но и она носит деструктивный характер, сводится к принципу: пусть никому не будет лучше, чем мне. С пугающей убедительностью рисует автор наше будущее: неудачную, затяжную войну с Китаем, рост центробежных сил местного национализма, нарастающие экономические, в частности продовольственные, трудности, разрушительные и жестокие взрывы народного недовольства и в конце - гибель России, распадение ее на части. Амальрик предсказывает и срок, когда закончится наша 1100-летняя история - это 1980-е годы.

Таков ответ, который Амальрик дает на наш вопрос: Россия умерла, впереди ее разложение. Что ж, великие государства гибли и раньше, и чувства отчаяния и внутреннего протеста, которые вызывает вынесенный России приговор, не означают, что он несправедлив. Но эти чувства требуют от нас принять приговор только после того, как будут отброшены все остальные возможности, продуманы все пути развития. А такого впечатления работа Амальрика как раз не оставляет. Если, например, автор в одной фразе

утверждает, что у русского народа идея справедливости оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, к любой индивидуальности, а в предыдущей - что за справедливость русские готовы и на костре сгореть - то здесь явно что-то не сходится. Вообще производит впечатление, что идея справедливости как силы, которая может влиять на историю, чужда автору, она лежит не в той плоскости, в которой он мыслит.

Значение этой работы представляется мне именно в том, что в ней один путь пройден до конца, один строй мыслей продуман исчерпывающе. Если смотреть на историю с точки зрения взаимодействия интересов различных социальных групп и личностей, их прав, гарантирующих эти интересы, или как на результат воздействия экономических факторов, то у России будущего нет - против аргументов Амальрика возразить нечего.

Но ведь есть в истории процессы, которые основываются на совсем других принципах. Не нам забывать такой пример, как Октябрьская революция. Уж кто лучше Ленина чувствовал малейшие колебания социальных и классовых сил, а за несколько дней до февральского переворота он не видел никаких признаков социалистической революции и в письме к швейцарским рабочим убедительно доказывал, что сейчас она и не может победить в России, самой мещанской стране Европы.

Или когда на 400 лет раньше неизвестный монах Лютер вступил в борьбу с величайшей силой тогдашнего мира, казалось, что он действует противно всем социальным и историческим законам.

Вот с такой точки зрения хотелось бы еще раз продумать судьбу России. Медицина многое может сказать о болезни и смерти, но религия знает еще и воскресение. И где больше, чем в жизни народов, применимы эти загадочные слова:

ИБО КАК СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА,
ТАК ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА И ВОСКРЕСЕНИЕ.

(1 Коринф. 15, 21)

II

Кажется, что слова эти обращены прямо к нам, указывают нам путь. Ведь если ни класс, ни партия, ни удачное сочетание сил в мировой политике не способны остановить ту тень смерти, которая начинает уже опускаться на Россию, то, значит, это может быть сделано только ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА, усилиями отдельных человеческих индивидуальностей.

Но не безнадежно ли людям пытаться остановить неизбежное действие законов истории? Это самое серьезное возражение, и его надо обсудить, прежде всего.

Уже которому поколению с детства внушают, что личность бессильна повлиять на ход истории, что он определяется безликими факторами экономики и производства. И мы так прониклись этим представлением, что, кажется, и позабыли проверять его своим умом. Казалось бы, нельзя узнать характер законов истории, не зная самих этих законов, а законы в любой науке проверяются сравнением и опытом.

Проделаем только один опыт и возьмем для этого закон, который казался всем высказывавшим его столь бесспорным, что они называли его "железным". Это "железный закон заработной платы", согласно которому плата, получаемая рабочим при капиталистическом способе производства, будет всегда соответствовать МИНИМУМУ средств, необходимых для поддержания его существования. Отсюда выводилась неизбежность абсолютного обнищания пролетариата. Сейчас как-то неловко и вспоминать о подобных пророчествах. Богатство рабочих Западной Европы и Америки не только непрерывно растет, но серьезной проблемой становится уже то, что они, благодаря стачечной борьбе и политике профсоюзов, получают гораздо больше, чем по справедливости причитающуюся им долю продукта. И так дело обстоит со всеми предсказаниями этих оракулов: о начале революции в наиболее промышленно развитой стране, о разрушении капитализма под ударами периодически повторяющихся кризисов, об отмирании государства при социализме, замене армии милицией и уничтожении специализации, уродующей человеческую личность, о невозможности войн между социалистическими странами, и т. д., куда ни глянь. Вывод может быть лишь один: истины в этих теориях не найти. Их авторы либо совсем не понимали законов истории, либо говорили не то, что думали.

Но посмотрим на их дела. Октябрьскую революцию делали люди, фанатически убежденные в том, что история управляема, ход ее может изменить и маленькая группа людей, если только они знают, как взяться за дело. В этом смысле Октябрь определил характер нашего века. Вера в то, что власть валяется под ногами, распространилась по всему миру, и вот ЭТА концепция действительно подтверждается опытом - в Италии, Германии, Латинской Америке, Китае и Африке. А люди, которые все это движение начали, проповедовали, что личность бессильна перед имманентными законами истории. Какое странное противоречие!

Если судить не по словам, а по делам, то люди, готовившие и делавшие революцию, считали, что человеческая индивидуальность с такими ее проявлениями, как совесть, честь, любовь к другим людям и к родине, - это величайшая сила истории. Сколько трудов было потрачено, чтобы парализовать эту силу: убедить, что нравственность, мораль, гуманность, патриотизм - смешные, ненаучные, устаревшие понятия, что поведение человека определяется лишь выгодой, интересами той группы, класса или партии, к которой он принадлежит. Это была не только литературная деятельность: когда солдат - защитник родины бежал с фронта и оборачивал штык против своего соседа-помещика, это служило той же цели.

Но зато как окупилась эта труды! Вот где разгадка тайны иначе не объяснимой покорности: чтобы бороться за жизнь, страх не поможет, нужно, чтобы душа сохранила еще нравственные силы. Кто днем на собрании голосовал за расстрел обвиняемых по процессу Промпартии, ночью будет ждать своего ареста. И результат был пропорционален степени вовлеченности души в это мировоззрение: крестьяне, хоть со сломленной волей, пытались бороться, восставали, а старые большевики шли в лагерь с пением революционных песен и, получая свою пулю, кричали в подвале "Да здравствует Сталин!".

Отрицать существование законов истории значило бы отказаться ее понять. Но разве правдоподобно, что эти законы такие же, как законы работы часового механизма? Даже квантовая механика считает принципиально невозможным исключить воздействие наблюдателя на наблюдаемое явление. А законы истории должны, конечно, в качестве основного элемента включать воздействие человеческих личностей, свободу их воли. Да из этого и исходили не только политики, но и все великие историки. И при каждом повороте истории, куда бы он ни вел человечество, была ли это победа христианства или Октябрьской революции, решение всегда лежало в руках людей, зависело от их воли.

III

То, что люди в принципе могут влиять на ход истории, не значит, конечно, что и мы способны на это сейчас, в нашей стране. Каждый из нас является не только индивидуальностью, но и деталью грандиозного механизма, подчиняющегося своим собственным законам и предъявляющего к своим деталям требования, отнюдь не учитывающие их свободную волю и бессмертную душу. Некогда И. В. Сталин ласково назвал всех нас "винтиками" и даже провозгласил тост за здоровье "винтиков". Сохранились ли в душах винтиков силы, способные противостоять давлению механизма?

Я уверен, что эти силы есть, что каждый, кто хочет, способен уже сейчас сделать первые шаги к своему освобождению и что препятствия к этому не вне, а внутри нас - наши жизненные установки.

Представим себе, как это конкретно происходит, что нас опутывает несвобода. Сейчас только редким людям, да и то всего несколько раз в жизни, приходится принимать решения, за которые они могли бы поплатиться головой или свободой. Но на каждом шагу жизнь предлагает нам сделать выбор в небольшом вопросе: немного уступить силе, пригнуться или же устоять, слегка распрямиться. Настойчиво приглашают вступить в партию - вступать ли? Принуждают быть агитатором - участвовать ли в обидном для взрослого человека времяпрепровождении: безвыборных выборах? Родился ребенок - крестить ли его в церкви? Дали прочитать интересную самиздатскую статью - перепечатать ли для себя экземпляр, давать ли читать другим? Зовут на собрание, где ни докладчик, ни один из слушателей не верит в то, что говорится, - идти ли? Просят заступиться за жертву притеснений, - подписать ли письмо в ее защиту? Во всех этих случаях даже самое смелое решение не грозит сейчас ни тюрьмой, ни постоянной потерей работы. Угрожает только то, что отношение начальства будет похуже, не состоится очередное продвижение по службе, зарплата не увеличится, не будет нового телевизора, или лишней комнаты в квартире, или заграничной командировки.

Происходит обмен, в котором мы расплачиваемся кусочками своей души, необходимыми для ее здоровья и жизни. Исчезает чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, появляется жесткое, недоброжелательное отношение к другим людям, лукавая психология раба. И главное: жизнь теряет светлую окраску счастья, пропадает чувство ее высокого смысла. Расплата за это - бесплодность в искусстве и науке, жизнь, погубленная на многодневные бдения в очередях за никому не нужными вещами и нигде, на всей планете, невиданный алкоголизм, губящий и это, а в его генах и будущие поколения.

Что же предлагает жизнь взамен? О минимуме, необходимом, чтобы не умереть с голоду и накормить детей, здесь речь, как правило, не идет. Тогда о чем же? Я думаю, что о ценностях, основной смысл которых нематериален. Иногда это совершенно очевидно, иногда немного замаскировано. Орден, например, ни кормит, ни греет. Большая и дорогая машина садится на наших плохих дорогах, в городе труднее найти место для стоянки, а скорость движения все равно ограничена и быстрее на ней не проедешь, чем на самой дешевой. Заграничная командировка может быть профессионально важной для начинающего инженера или ученого, но ее притягательная сила не сравнима с пользой. Новый дорогой костюм греет не лучше старого и заплатаемого и т. д. и т. д. Все это ценности непотребительные. Смысл их иной - они указывают место человека в иерархии, которую образуют члены окружающего нас общества. Как бумажные деньги, они не имеют ценности сами по себе, но являются символами чего-то, что людьми высоко ценится.

По-видимому, для существования любого общества необходима некоторая иерархия среди его членов. Иерархия человеческого общества отражает его мировоззрение. Люди, наиболее способные к деятельности, которая является важной с точки зрения принципов общества, обладают и большим авторитетом. Общество снабжает таких людей символами, подчеркивающими их авторитет: продетым в ноздрю кольцом, расшитым мундиром или автомобилем "Чайка". Эти символы приобретают для членов общества исключительную привлекательность и заставляют людей действовать в желательном для общества направлении.

Это и есть та сила, которая более всего ограничивает сейчас нашу **свободу**. Ее источник не пулеметы и колючая проволока, а наши взгляды, то, что в душе мы не задумываясь принимаем иерархию окружающего нас общества и высокое положение в ней считаем реальной ценностью. Как курица, перед носом которой гипнотизер провел черту мелом, мы оцепенели лишь потому, что сами поверили в реальность своих цепей. Путь к свободе начинается внутри нас, с того, чтобы перестать карабкаться по ступенькам карьеры или материального квазиблагополучия. И как, гонясь за этими приманками, мы жертвуем лучшими частями своей души, так, отказавшись от них, приобретем то, что составляет смысл жизни.

Такой выход возможен. Христианство, возникнув в момент высшего расцвета античного мира, не признало его мировоззрения и сложившейся в нем иерархии, и в этом была одна из причин его непобедимости. И теперь существуют маленькие кружки, в которых ценности измеряются совсем не теми эталонами, что в остальной жизни. Укрепится это движение, расширится, - и мы приобретем свободу, о которой не можем сейчас и помыслить.

IV

Опасной стороной такого взгляда представляется его негативный характер. Если жизнь требует от человека жертвы самым драгоценным, что у него есть, взамен предлагая лишь видимость, бумажки, на которых написана цена, но которые не соответствуют никакой реальной ценности, то очевидно, к каким практическим выводам зовет такое понимание: отказаться от этого обмена, свернуть с этого пути.

Но в нашей стране вся жизнь, все ее проявления находятся в руках государства. Приняв такой взгляд, не должен ли будет художник отказаться от искусства, ученый - от науки? Не придем ли мы к отказу от активного участия в жизни, в любой культурной деятельности?

Во всем мире сейчас часто высказывается мнение, что современная культура становится все более антигуманистической, человеку в ней не остается места, и как реакция на это возникает тенденция ухода от культуры. Поэтому наш вопрос особенно важен и интересен - и не только с точки зрения судьбы личности в современном индустриальном обществе, но и как вопрос о будущем культуры.

Отвечая на него, надо помнить, что здесь обсуждается лишь общий принцип. В жизни каждый рассчитывает свои силы, решает, как далеко он может пройти по этому пути. Надо только понять, не противостоит ли этот общий принцип культуре, не уводит ли с того поля, на котором должен трудиться человек.

Выберем для примера несколько областей деятельности. Естественно начать с литературы, потому что она всегда играла особую роль в русской жизни. Представление о писателе как об учителе, способном увидеть скрытую от других правду, - чисто русское, оно присуще нашему народу.

В литературе поставленный нами вопрос яснее всего. Чтобы подняться по иерархической лестнице, писатель, как правило, должен выполнять функции, прямо противоположные целям литературы: не искать, а скрывать и извращать истину. Так появилась та антилитература, которая воспела Сталина, Дзержинского и Ежова, ЧК, Беломорско-Балтийский канал, коллективизацию, охоту за врагами народа и доносы детей на родителей. Что уж тут спрашивать, - возможно ли быть писателем вне этой организации - только вдали от нее литература и имеет шанс выжить. И действительно, все прекрасное, правдивое, глубокое в наше время было создано людьми, которых судьба, как бы жестоко она это ни сделала, но защитила от опасности быть затянутым в эту гибельную для литературы зону.

Похожая картина и в гуманитарных науках - философии, истории, социологии. Разница лишь в том, что через антинауку удалось пробиться еще меньшему числу людей, чем через антилитературу. Может показаться, что в естественных науках мы лишены всякой свободы выбора. Тут, чтобы стать ученым, надо окончить институт, пройти аспирантуру, иметь доступ к лабораториям, ускорителям и вычислительным машинам. На самом деле это далеко не очевидно. Именно массовый, сверхорганизованный характер современной науки является ее бедой, больше того, проклятием. Научных работников так много и их продукция так велика, что нет надежды прочесть все написанное даже в одной узкой области. Поле зрения ученого суживается до пяточка, он должен из кожи лезть, чтобы не отстать от бесчисленных конкурентов. Замысел Бога, божественная красота истины, открываемая в науке, заменяются набором технических задач. Наука превращается в гонку, миллионная толпа мчится, и никому не понятно куда. Немногим еще эта гонка доставляет удовлетворение, они имеют какую-то перспективу, видят хоть на несколько шагов вперед, но для подавляющего большинства не остается ничего, кроме вида пяток бегущего впереди и сопения наступающего на пятки сзади.

Но даже если можно было бы перешагнуть через то, что наука сейчас не приносит того удовлетворения, которое она способна давать, уродует занимающихся ею людей, все равно, и по иным причинам она не сможет развиваться в прежнем направлении. Сейчас продукция науки удваивается каждые 10-15 лет, примерно так же растет число ученых, с близкой скоростью увеличиваются материальные затраты на науку. Этот процесс длится 200-250 лет, но сейчас уже видно, что долго такое развитие продолжаться не может: например, к концу этого века расходы на науку должны были бы превысить стоимость всего валового продукта общества. Однако на самом деле неустранимые трудности возникнут, конечно, раньше - приблизительно в 1980-е годы (как тут не вспомнить Амальрика!). Значит, это направление развития обречено, вопрос только, сможет ли наука свернуть на другой путь, на котором открытие истины не требует ни миллионных армий ученых, ни миллиардных затрат, путь, по которому шли и Архимед, и Галилей, и Мендель. В этом сейчас основная проблема науки, вопрос ее жизни и смерти. Кто как белка уже завертелся в этом колесе, вряд ли поможет ее решить, надежда может быть как раз на тех, кто этой инерции не поддастся.

Наконец, нельзя не вспомнить о той сфере культурной деятельности, которая может быть важнее всех других для здорового существования нации - религии. Сотни тысяч лет она была самой мощной и самой высокой движущей силой человечества, и за несколько десятилетий мы порвали с ней, не потому, что нашли ей замену, что пришли к чему-то высшему. О том, как была этим искалечена душа народа, можно судить по последствиям и не только в нашей, но и в других странах, где государство пыталось оторвать народ от религии - от Германии до Китая. Вся история человечества состоит из жестокостей, но никогда еще насилие не выступало так неприкрыто, провозглашая себя благотворным орудием законов истории, и никогда поэтому оно не выливалось в столь технически совершенное перемалывание людьми себе подобных, как в последние десятилетия в этих странах.

"Бог умер!" Литературный оборот Ницше стал реальностью в нашей стране, и уже третье поколение живет в страшном мире, лишенном Бога.

Вероятно, здесь и есть ключ ко всему вопросу: **от усилий, приложенных в этой области, зависит жизнь, смерть или воскресение России.** Это важнейшее для нашего народа поле деятельности требует сотен тысяч рук и голов (вспомним, до революции в России было 300 000 священников). И уж конечно работать на нем можно только отказавшись от предлагаемой жизнью системы ценностей.

Так не получается ли, что этот путь не только не уводит нас от культуры, а, наоборот, помогает найти те самые нужные и самые скрытые тропинки, которые без него не были бы видны?

V

И вот выходит, что не так уж мы непоправимо скованы и опутаны, что есть для нас дорога, которая **ведет к свободе.** А чтобы по ней идти, надо одно: понять, что при этом придется жертвовать тем, что на самом деле никакой ценности не представляет.

Так можно сделать первые, быть может самые ценные, шаги к свободе - своей и России. Но нельзя закрывать глаза на то, что и не более чем первые шаги. Уже за перепечатку "самиздата" можно поплатиться тюрьмой, тем более за распространение своих работ. А ведь что может быть сейчас нужнее - объединить силы в обдумывании самых важных для своей страны вопросов - без этого в одиночку никакая мысль развиваться не может. Не меньшим грозит и **проповедь веры**, в особенности для тех религиозных течений, для которых невозможно подчиниться сложной системе утесняющих инструкций. Любое гонение воздействует на совесть людей, вызывает протест, а тот - новые гонения. Но в отношении самых, казалось бы, естественных действий - распространения листовок или демонстраций в защиту арестованного - нельзя даже говорить о риске - тюрьма обеспечена. А лишение работы, в особенности если есть семья, дети; или высылка в Сибирь; или концлагерь; или, наконец, ужас бессрочного заточения в доме умалишенных, - все это никак не назовешь лишь КАЖУЩЕЙСЯ жертвой.

Вот к какому выводу мы приходим: судьба России находится в наших руках, зависит от индивидуальных усилий каждого из нас. Но самое существенное может быть тут сделано на единственном пути - через **ЖЕРТВУ**.

Может показаться, что в этом наша беда, на самом же деле этим нам дается неотразимое оружие и источник сил без границ. Едва ли есть среди социальных сил другая, которая так мощно движет людей, как стремление **к жертве за высшие идеалы**. Может быть, не всегда, но в решающие эпохи истории жертва приобретает притягательность, не объясненную никакой социологией. Этот эмпирический факт знают и используют опытные политики: призыв к жертве обычно встречает мощный отклик в народе. В нашей стране одна из причин успеха революции несомненно была в том, что только в революционной деятельности интеллигенция находила выход своему стремлению к подвигу, жертве. А какой исследователь мог бы предсказать такой героизм в последней войне? Ведь ее судьбу решили те самые крестьяне, которые перед тем так много вынесли на своих плечах. Как можно объяснить это чудо, если не тем, что **война** дала возможность распрямиться во весь рост, открыла путь честной, добровольной жертвы, закрытый до того жизнью?

Известно, как радостно жертвовали собой христиане первых веков. Это движение было так сильно, что многие отцы церкви призывали не искать мученического венца, учили, что свята лишь та жертва, которую не ищут, а ждут. Увы, это сравнение мало относится к нам. Из всех несчастий России, может быть, главное в том и состоит, что она осталась жить (или умирать) **без веры**. Если здесь и возможно исцеление, то эта задача трудна бесконечно, на самой грани наших сил и на скорое ее решение надеяться трудно. Но близко вере и гораздо доступнее нам другое состояние души - жертвенность. **Всегда идея жертвы была таинственно связана с религией. Жертва дает такое же чувство высокого подъема, радости, осмысленности жизни.**

Если до готовности к жертве подымутся не только единицы, это очистит души, взрыхлит почву, на которой может взрасти **религия**.

Жертва может дать силы, чтобы преодолеть многие препятствия, стоящие на пути России, но при одном лишь условии: если такой путь у России еще есть. Это возвращает нас к

вопросу, с которого мы начали эту статью: какова сейчас цель существования России, имеет ли она еще историческую миссию?

Вряд ли когда и где столько несчастий обрушивалось на страну, как в последние полвека на Россию. Неужели они были бессмысленны и напрасны? Невольно ищешь в них цели, думаешь, что они готовили нас к чему-то. Так часто в судьбе человека и народа страдания являются путем к высшей цели. И действительно, сейчас Россия занимает в мире совсем особое место: свалившиеся на нас беды завалили все простые, легко видимые пути и заставляют искать единственный, нетривиальный и самый нужный (может быть, не только для России) путь. Мы уже встречались с примерами. Начинающему ученому на Западе несравненно легче включиться в конвейер современной науки: ему не надо для этого ни придумывать себе общественную работу, ни кривить душой на идеологических семинарах, да и научная информация ему гораздо более доступна и международные контакты куда легче. У нас же все силы толкают от этого обреченного пути.

Много глубоких мыслей было высказано, начиная с Платона, о том, как лучшая часть народа, элита или аристократия, должна руководить его жизнью. Но всегда эти системы приходили к уничтожению самых глубоких и прекрасных частей души, не поднимали, а принижали и тех, кем руководят, и тех, кто входит в элиту. Не потому ли, что путь руководства был указан неверно - оно должно осуществляться не через ВЛАСТЬ, а через ЖЕРТВУ? В других странах и в другие времена это, может быть, не так очевидно, но для нас такой путь служения своему народу - единственный. Ко всему этому судьба нас подвела и дала нам прочувствовать эти истины своими боками, своей кровью, а другим народам это далеко не так ясно показано[3].

Часто высказывалась мысль, что Россия не может спасти только себя, решить только свою частную проблему. Англичане могли строить самое свободное в тогдашнем мире общество, торгуя неграми и держа в рабстве Индию. Мы этого не можем и доказали это хотя бы отрицательно: какие бы несчастья ни приносила Россия другим народам, своему она всегда несла еще больше.

Все человечество зашло сейчас в тупик, стало очевидно, что цивилизация, основанная на идеологии "прогресса", приводит к противоречиям, которых эта цивилизация не может разрешить. И кажется, что путь воскресения России тот же, на котором человечество может найти выход из тупика, найти спасение от бессмысленной гонки индустриального общества, культа власти, мрака неверия. Мы первыми пришли к точке, откуда видна единственность этого пути, от нас зависит вступить на него и показать его другим. Такой представляется мне возможная миссия России, та цель, которая может оправдать ее дальнейшее существование.

Прошедшие полвека обогатили нас опытом, которого нет ни у одной страны мира. Одно из самых древних религиозных представлений заключается в том, что для приобретения сверхъестественных сил надо побывать в другом мире, пройти через смерть. Так объясняли происхождение предсказателей, пророков:

Как труп в пустыне я лежал.

И Бога глас ко мне воззвал...

Таково сейчас положение России: она прошла через смерть и может **услышать** **голос Бога**. Но Бог творит историю руками людей, и это мы, каждый из нас, может услышать Его голос. А может, конечно, и не услышать. И остаться трупом в пустыне, которая покроеет развалины России.
Декабрь 1971 г. И. Шафаревич

[Архив Самиздата] | [Из-под глыб] | [Библиотека «Вехи»]

© 2004, Библиотека «Вехи»

[1] "Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновить, наконец, его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, - нет, такая вера есть залог самой высшей силы наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь". Достоевский. Дневник писателя. 1877 г., январь, гл. I.

[2] А.Амальрик. "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" За свои мысли автор поплатился свободой.

[3] Да возьмем хоть такой уже более частный пример, как метод распространения литературы. Для нас Самиздат - это единственная возможность, но он дает и идеальное в принципе решение: распространение работы не зависит, ни от цензуры, ни от рекламы. Современная техника может сделать это решение и вполне эффективным, но на Западе трудно отказаться от других, разработанных и пока неплохо действующих методов.

[Политика] | [Библиотека «Вехи»]

Андрей Амальрик

ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ДО 1984 ГОДА?

Автора побуждают писать в основном три причины. Во-первых, интерес к русской истории. Почти десять лет назад я написал работу о Киевской Руси; по независимым от меня причинам я вынужден был прервать свои исследования о начале российского государства, зато теперь я надеюсь, что как историк буду сторицей вознагражден за это, став свидетелем его конца. Во-вторых, я мог близко наблюдать за попытками создания независимого общественного движения в СССР, что само по себе очень интересно и заслуживает какой-то предварительной оценки. И в-третьих, мне часто приходилось слышать и читать о так называемой "либерализации" советского общества, вкратце эти рассуждения можно сформулировать так: сейчас обстановка лучше, чем десять лет назад, следовательно через десять лет будет еще лучше. Я постараюсь здесь показать, почему я не согласен с этим.

Я хочу подчеркнуть, что моя статья основана не на каких-либо исследованиях, а лишь на наблюдениях и размышлениях. С этой точки зрения она может показаться пустой болтовней, но — во всяком случае для западных советологов — представляет уже тот интерес, какой для ихтиологов представила бы вдруг заговорившая рыба[1].

Как можно думать, в течение пяти, приблизительно, лет — с 1952 по 1957 годы — в нашей стране происходила своего рода “верхушечная революция”. Она пережила такие напряженные моменты, как создание так называемого расширенного президиума ЦК КПСС, дело врачей, загадочную смерть Сталина и ликвидацию расширенного президиума, чистку органов госбезопасности, массовую реабилитацию политзаключенных и публичное осуждение Сталина, польский и венгерский кризисы и, наконец, закончилась полной победой Хрущева. Во весь этот период страна пассивно ожидала своей судьбы: если “наверху” все время шла борьба, “снизу” не раздавалось ни одного голоса, который прозвучал бы диссонансом тому, что в настоящий момент шло “сверху”[2]. Но, видимо, “верхушечная революция”, расшатав созданный Сталиным монолит, сделала возможным и какое-то движение в обществе, и уже к концу этого периода стала проявляться новая, независимая от правительства сила. Ее условно можно назвать “культурной оппозицией”. Некоторые писатели, до этого шедшие в официальном русле или просто молчавшие, заговорили по-новому, и часть их произведений была опубликована или распространялась в рукописях, появилось много молодых поэтов, художников, музыкантов и шансонье, стали циркулировать машинописные журналы, открываться полулегальные художественные выставки, организовываться молодежные ансамбли[3]. Это движение было направлено не против политического режима как такового, а только против его культуры, которую, тем не менее, сам режим рассматривал как свою составную часть. Поэтому режим боролся с “культурной оппозицией”, в каждом отдельном случае одерживая полную победу: писатели “каялись”, издатели подпольных журналов арестовывались, выставки закрывались, поэты разгонялись. Тем не менее победу над “культурной оппозицией” в целом одержать не удалось, напротив — частично она постепенно включилась в официальное искусство, тем самым модифицировавшись, но модифицировав и официальное искусство, частично же сохранилась, но уже в значительной степени как явление культуры. Режим примирился с ее существованием и как бы махнул на нее рукой, лишив тем самым ее оппозиционность политической нагрузки, которую он сам придавал ей своей борьбой с нею.

Однако тем временем из недр “культурной оппозиции” вышла новая сила, которая стала в оппозицию уже не только официальной культуре, но и многим сторонам идеологии и практики режима. Она возникла в результате скрещения двух противоположных тенденций — стремления общества ко все большей общественно-политической информации и стремления режима все больше препарировать официально даваемую информацию — и получила название “самиздата”. Романы, повести, рассказы, пьесы, мемуары, статьи, открытые письма, листовки, стенограммы заседаний и судебных процессов в десятках, сотнях и тысячах машинописных списков и фотокопий начали расходиться по стране[4]. Причем постепенно, приблизительно за пятилетие, происходила эволюция “самиздата” от художественной литературы к документу, принимавшему все более определенную общественно-политическую окраску. Естественно, что в “самиздате” режим увидел еще большую опасность для себя, чем в “культурной оппозиции”, и борется с ним еще более решительно[5].

Тем не менее, “самиздат”, подобно “культурной оппозиции”, постепенно подготовил новую самостоятельную силу, которую можно рассматривать уже как

настоящую политическую оппозицию режиму или, во всяком случае, как зародыш политической оппозиции. Это — общественное движение, называющее само себя Демократическим движением. Как новый этап оппозиции режиму и как политическую оппозицию его можно рассматривать, пожалуй, по следующим причинам: во-первых, не принимая форму четкой организации, оно само осознает и называет себя движением, имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; во-вторых, оно сознательно ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику, хотя и то и другое довольно расплывчато; в-третьих, оно хочет работать в условиях легальности и гласности и добивается этой гласности, в чем его отличие от маленьких или даже больших подпольных групп[6].

Прежде чем посмотреть, насколько Демократическое движение является массовым, насколько четкие и достижимые цели оно себе ставит, т. е. является ли оно действительно движением и имеет ли какие-либо шансы на успех, есть смысл поставить вопрос об идеологической основе, на которую может опираться всякая оппозиция в СССР.

Конечно, как это хорошо помнит сам автор, и в 1952-1956 годах было большое количество недовольных и настроенных оппозиционно по отношению к режиму лиц. Но, не говоря даже о том, что недовольство это носило “камерный” характер, оно в значительной степени опиралось на негативную идеологию: считалось, что режим плох, потому что он делает или не делает то-то и то-то, в то же время в общем-то не ставилось вопроса, а что же хорошо, подразумевалось также, что режим или не отвечает своей идеологии или что сама идеология никуда не годится. Однако поиски позитивной идеологии, способной противостоять официальной, начались только к концу этого периода[7]. Можно сказать, что за последние полтора десятилетия выкристаллизовались по крайней мере три идеологии, на которые опирается оппозиция. Это “подлинный марксизм-ленинизм”, “христианская идеология” и “либеральная”. “Подлинный марксизм-ленинизм” предполагает, что режим, извратив в своих целях марксистско-ленинскую идеологию, не руководствуется марксизмом-ленинизмом в своей практике и что для оздоровления нашего общества необходимо возвращение к истинным принципам марксизма-ленинизма. “Христианская идеология” предполагает, что необходимо перейти в общественной жизни к христианским нравственным принципам, которые толкуются в несколько славянофильском духе, с претензией на особую роль России. Наконец, “либеральная идеология” в конечном счете предполагает переход к демократическому обществу западного типа с сохранением, однако, принципа общественной и государственной собственности[8].

Все эти идеологии, однако, в значительной степени аморфны, их никто не формулировал с достаточной полнотой и убедительностью и зачастую они только как бы сами собой подразумеваются их последователями: последователи каждой доктрины предполагают, что все они верят в нечто общее, что точно, однако, никому не известно. Также эти доктрины не имеют четких границ и зачастую переплетаются одна с другой. И даже в таком аморфном виде они являются достоянием небольшой группы лиц. Между тем есть много признаков, что в самых широких слоях народа, прежде всего в рабочей среде, ощущается потребность в идеологии, на которую могло бы опереться негативное отношение к режиму и его официальной доктрине[9].

Демократическое движение, насколько мне известно, включает представителей всех трех обозначенных выше идеологий; таким образом, его идеология может быть или эклектическим сочетанием “подлинного марксизма-ленинизма”, русского христианства и либерализма или же основываться на том общем, что есть в этих идеологиях (в их современных советских вариантах). По-видимому, происходит последнее. Хотя Демократическое движение находится в периоде становления и никакой отчетливой программы себе не сформулировало, все его участники подразумевают во всяком случае одну общую цель: правопорядок, основанный на уважении основных прав человека.

Число участников Движения в общем столь же неопределенно, как и его цели. Оно насчитывает несколько десятков активных участников и несколько сот сочувствующих Движению и готовых поддержать его. Назвать любую точную цифру было бы невозможно не только потому, что она неизвестна, но и потому, что она все время меняется[10]. Быть может, более интересно не число участников Движения, а его социальный состав. Здесь я смог произвести небольшой подсчет, основываясь на типичном примере протестов по делу Галанскова и Гинзбурга.

По-существу, процесс над ними был только поводом для общественности предъявить режиму требования большего правопорядка и уважения прав человека, большинство подписавших протесты Галанскова и Гинзбурга вообще не знало. Поэтому, пожалуй, активные и довольно многочисленные протесты общественности против нарушения законности во время этого процесса можно считать началом Движения[11].

Всего под разными коллективными и индивидуальными письмами подписалось 738 человек. Профессии 38 неизвестны. Если взять число известных, то можно составить следующую табличку:

ученых — 45%

деятелей искусства — 22%

инженеров и техников — 13%

издательских работников, учителей, врачей, юристов — 9 %

рабочих — 6 %

студентов — 5 % [12]

Если признать такой социальный расклад типичным для Движения, то получается, что его основную опору составляют академические круги. Однако ученые по самому своему роду работы, положению в нашем обществе и образу мышления представляются мне наименее способными к активному действию. Они охотно будут “размышлять”, но крайне нерешительно действовать[13].

Далее видно, что в более широком плане основную опору Движения составляет интеллигенция. Но поскольку это слово носит слишком неопределенный характер, характеризует не столько положение человека в обществе и обозначает не столько какую-либо общественную группу, сколько способность отдельных представителей этой группы к интеллектуальной работе, то лучше я буду употреблять термин “средний класс”.

Действительно, мы знаем, что во всех странах группа лиц со средними доходами, обладающая профессиями, требующими значительной подготовки, нуждается в своей деятельности в известной прагматической и интеллектуальной свободе и, как всякая имущая группа, в правопорядке. Тем самым она представляет основной слой общества, на который опирается любой демократический режим. Как я думаю, у нас в стране идет постепенное складывание такого класса, который можно еще назвать “классом специалистов”. Ведь чтобы существовать и играть активную роль, режим должен был все послевоенное время развивать экономику страны и науку, которая в современном обществе принимает все более массовый характер, что и породило этот многочисленный класс. К нему принадлежат люди, обеспечившие себе и своим семьям относительно высокий, по советским меркам, уровень жизни[14], обладающие профессией, дающей им уважаемое место в обществе, известной культурой[15] и способностью более или менее здраво оценивать свое положение и положение общества в целом. Сюда относятся лица свободных профессий (как писатели и артисты), лица, занятые научной и научно-административной работой, лица, занятые управленческой работой в экономической области, и т. д., т. е., как я уже сказал, это “класс специалистов”. По-видимому, этот класс сам начинает уже осознавать свое единство и заявлять о себе[16].

Таким образом, есть влиятельный класс, или слой, на который могло бы, как кажется, опереться демократическое движение, однако имеются, по крайней мере, три взаимосвязанных фактора, которые будут сильно противодействовать этому.

Два из них сразу бросаются в глаза. Во-первых, проводимое десятилетиями планомерное устранение из жизни общества наиболее независимых и активных его членов наложило отпечаток серости и посредственности на все слои общества — и это не могло не отразиться на заново формирующемся “среднем классе”[17]. Во-вторых, для той части этого класса, которая наиболее ясно осознает необходимость демократических перемен, в то же время наиболее характерна самоспасительная мысль, что “все равно ничего не поделаешь”, “стену лбом не прошибешь”, т. е. своего рода культ собственного бессилия по сравнению с силой режима. Третий фактор не столь явственен, но очень любопытен. Как известно, в любой стране наиболее не склонный к переменам и вообще к каким-либо самостоятельным действиям слой составляют государственные чиновники. И это естественно, так как каждый чиновник сознает себя слишком незначительным по сравнению с тем аппаратом власти, всего лишь деталью которого он является, для того чтобы требовать от него каких-то перемен. С другой стороны, с него снята всякая общественная ответственность: он выполняет приказы, поскольку это его работа. Таким образом, у него всегда может быть чувство выполненного долга, хотя бы он и делал вещи, которые, будь его воля, делать бы не стал[18]. Для чиновника понятие работы вытеснено понятием “службы”. На своем посту — он автомат, вне поста — он пассивен. Психология чиновника поэтому самая удобная как для власти, так и для него самого.

В нашей стране, поскольку мы все работаем на государство, у всех психология чиновников — у писателей, состоящих членами Союза писателей, ученых, работающих в государственном институте, рабочих или колхозников в такой же степени, как и у чиновников КГБ или МВД[19]. Разумеется, так называемый “средний класс” не только не представляет исключения в этом отношении, но для него, как я думаю, эта психология в силу его социальной срединности как раз наиболее типична. А многие члены этого класса

попросту являются функционерами партийного и государственного аппарата, и они смотрят на режим как на меньшее зло по сравнению с болезненным процессом его изменения.

Таким образом, мы сталкиваемся с интересным явлением. Хотя в нашей стране уже есть социальная среда, которой могли бы стать понятны принципы личной свободы, правопорядка и демократического управления, которая в них практически нуждается и которая уже поставляет зарождающемуся демократическому движению основной контингент участников, однако в массе эта среда столь посредственна, ее мышление столь “очиновлено”, а наиболее в интеллектуальном отношении независимая ее часть так пассивна, что успехи Демократического движения, опирающегося на этот социальный слой, представляются мне весьма проблематичными.

Но следует сказать, что этот “парадокс среднего класса” соединяется любопытным образом с “парадоксом режима”. Как известно, режим претерпел очень динамичные внутренние изменения в предвоенное пятилетие, однако в дальнейшем регенерация бюрократической элиты шла уже бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот бюрократический “противоестественный отбор” наиболее послушных старой бюрократии, вытеснение из правящей касты наиболее смелых и самостоятельных породило с каждым разом все более слабое и нерешительное новое поколение бюрократической элиты. Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать, чтобы прийти к власти, бюрократы, наконец получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться. Они не только сами не умеют придумать ничего нового, но и вообще всякую новую мысль они рассматривают как покушение на свои права. По-видимому, мы уже достигли той мертвой точки, когда понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а только с властью как таковой: ни за какой государственной институцией или должностью не стоит ничего иного, как только сознание того, что эта должность — необходимая часть сложившейся системы. Естественно, что единственной целью подобного режима, во всяком случае во внутренней политике, должно быть самосохранение[20]. Так оно и есть. Режим не хочет ни “реставрировать сталинизм”, ни “преследовать представителей интеллигенции”, ни “оказывать братскую помощь” тем, кто ее не просит. Он только хочет, чтобы все было по-старому: признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, не расшатывалась система опасными и непривычными реформами. Режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель: пусть все будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую ставил режим за последнее полстолетие, но в то же время и наименее увлекательная.

Таким образом, пассивному “среднему классу” противостоит пассивная бюрократическая элита. Впрочем, сколь бы пассивна она ни была, ей-то как раз менять ничего не надо и, в теории, она может продержаться очень долго, отделяясь самыми незначительными уступками и самыми незначительными репрессиями.

Понятно, что такое квазистабильное состояние режима нуждается в определенном правовом оформлении, основанном или на молчаливом понимании всеми членами общества, что от них требуется, или же на писаном законе. Во времена Сталина и даже Хрущева была идущая сверху и всеми осязаемая тенденция, которая позволяла всем

чиновникам безошибочно руководствоваться конъюнктурными соображениями (подкрепленными, впрочем, инструкциями), а всем остальным понимать, что от них хотят. При этом существовала декорация законов, из которых каждый раз брали лишь то, что было нужно в данный момент. Но постепенно и “сверху” и “снизу” стало замечаться стремление к более устойчивым — “писаным” — нормам, чем это “молчаливое соглашение”, и это стремление создало довольно неопределенную ситуацию.

Необходимость известного правопорядка стала ощущаться “наверху” уже в период ограничения роли госбезопасности и массовых реабилитаций. За десятилетие (1954-1964) проводилась постепенная, весьма, впрочем, медленная работа как в области формально-законодательной, так и в области практического применения законов, что выразилось как в подписании ряда международных конвенций и попытке некоего согласования советского законодательства с международными правовыми нормами, так и в обновлении следственных и судебных кадров. Это и без того медленное движение в сторону правопорядка крайне затруднялось тем, что, во-первых, власть сама из тех или иных соображений текущей политики издавала указы и распоряжения, находящиеся в прямом противоречии с только что подписанными международными конвенциями и одобренными основами советского законодательства[21], во-вторых, замена кадров проводилась крайне ограниченно и непоследовательно и сталкивалась с нехваткой достаточного числа практических работников с пониманием идеи правопорядка, в-третьих, сословный эгоизм практических работников заставлял их противиться всему, что могло бы как-то ограничить их влияние и покончить с их исключительным положением в обществе, в-четвертых, сама идея правопорядка не имела почти никаких корней в советском обществе и находилась в явном противоречии с официально провозглашенными доктринами “классового” подхода ко всем явлениям.

Хотя, таким образом, начатое “сверху” движение к правопорядку постепенно увязало в бюрократической трясине, внезапно голоса о необходимости соблюдения законов раздалась “снизу”. Действительно, “средний класс” — единственный в советском обществе, кому была и понятна, и нужна идея правопорядка, — стал, хотя и весьма робко, требовать, чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд режима, а на “законной основе”. Тут обнаружилось, что в советском праве существует, если можно так сказать, широкая “серая полоса” — вещей, формально законом не запрещенных, но на практике считавшихся запретными[22]. Теперь очевидны две тенденции: тенденция режима “зачернить” эту полосу (путем дополнений к Уголовному кодексу, проведения “показательных процессов”, дачи инструктивных указаний практическим работникам) и тенденция “среднего класса” “разбелить” ее (просто-напросто делая те вещи, которые ранее считались невозможными, и постоянно ссылаясь на их “законность”). Все это ставит режим в довольно сложное положение, особенно, если учесть, что идея правопорядка начнет проникать и в остальные слои общества: с одной стороны, в интересах стабилизации режим теперь все время вынужден считаться со своими собственными законами, с другой, он все время вынужден их нарушать, чтобы противоборствовать тенденциям демократизации[23].

Все-таки, оглядываясь на прошедшие пятнадцать лет, надо сказать, что процесс правовой формализации шел, хотя и медленно, но непрерывно и зашел так далеко, что повернуть его вспять обычными бюрократическими методами будет трудно. Можно задуматься,

является ли этот процесс частным выражением якобы происходящей, или во всяком случае до недавнего времени происходившей, либерализации существующего в нашей стране режима. Ведь известно, что эволюция нашего государства и общества происходила и происходит не только в области права, но также в экономической области, в области культуры и т. д.

Действительно, сейчас не только каждый советский гражданин чувствует себя в большей безопасности и располагает большей личной свободой, чем 15 лет назад, но и руководитель отдельного промышленного предприятия имеет право сам решать ряд вопросов, которые раньше от него не зависели, и писатель или режиссер стеснены в своем творчестве уже гораздо более широкими рамками, чем раньше, и то же наблюдается почти во всех областях нашей жизни. Это породило еще одну идеологию в обществе, пожалуй самую распространенную, которую можно назвать “идеологией реформизма”. Она основана на том, что путем постепенных изменений и частных реформ, замены старой бюрократической элиты новой, более интеллигентной и здравомыслящей, произойдет своего рода “гуманизация социализма” и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная. Иными словами, эта теория основана на том, что “разум победит” и “все будет хорошо”, поэтому она так популярна в академических кругах и вообще среди тех, кому и сейчас неплохо и кто поэтому надеется, что и другие поймут, что быть сытым и свободным лучше, чем голодным и несвободным. Я думаю, что такой наивной точкой зрения объясняются и все американские надежды, связанные с СССР[24]. Однако мы знаем, что история, в частности русская история, отнюдь не была непрерывным торжеством разума, и вся человеческая история вовсе не означала постепенного прогресса.

Однако, по моему мнению, дело даже не в том, что степень свободы, которой мы пользуем-ся, все еще является минимальной по сравнению с той, которая нужна для развитого общества, и что процесс этой либерализации не только не ускоряется все время, но даже временами явственно замедляется, искажается и идет назад, а в том, что сама природа этого процесса заставляет сомневаться в его конечном успехе. Казалось бы, либерализация предполагает некий сознательный план, постепенно проводимый сверху путем реформ или иных мероприятий, для того чтобы приспособить нашу систему к современным условиям и привести ее к коренному обновлению. Как мы знаем, никакого плана не было и нет, никаких коренных реформ не проводилось и не проводится, а есть лишь отдельные несвязанные попытки как-то “заткнуть дыры” путем разного рода “перестроек” бюрократического аппарата[25]. С другой стороны, либерализация могла бы быть “стихийной”: быть результатом постоянных уступок режима обществу, которое имело бы свой план либерализации, и постоянных попыток режима приспособиться к бурно изменяющимся условиям во всем мире, иными словами, режим был бы саморегулирующейся системой[26]. Однако мы видим, что и этого нет: режим считает себя совершенством и поэтому сознательно не хочет меняться ни по доброй воле, ни, тем более, уступая кому-то и чему-то. Происходящий процесс “увеличения степеней свободы” правильнее всего было бы назвать процессом дряхления режима. Просто-напросто режим стареет и уже не может подавлять все и вся с прежней силой и задором: меняется состав его элиты, как мы уже говорили; усложняется характер жизни, в которой режим ориентируется уже с большим трудом; меняется структура общества. Можно представить

себе аллегорическую картинку: один человек стоит в напряженной позе, подняв руки вверх, а другой в столь же напряженной позе, оперев ему автомат в живот. Конечно, слишком долго они так не простоят: и второй устанет и чуть опустит автомат, и первый воспользуется этим, чтобы немножко опустить руки и чуть поразмяться[27]. Но если считать происходящую “либерализацию” не обновлением, а дряхлением режима, то ее логическим результатом будет его смерть, за которой последует анархия.

Если, таким образом, рассматривать эволюцию режима по аналогии с возрастанием энтропии, то Демократическое движение, с анализа которого я начал свою статью, можно было бы считать антиэнтропическим явлением. Конечно, можно надеяться — а так оно, вероятно, и будет, — что зарождающееся движение, несмотря на репрессии, сумеет стать влиятельным, выработает достаточно определенную программу, найдет нужную структуру и приобретет многочисленных сторонников. И вместе с тем, как я думаю, его социальная опора — “средний класс”, точнее даже часть его — слишком слаба и внутренне противоречива, чтобы Движение когда-либо смогло вступить в настоящее единоборство с режимом или, в случае самоликвидации режима или его падения в результате массовых беспорядков, стать силой, которая сумела бы организовать общество по-новому. Но, быть может, демократическое движение сумеет найти себе более широкую опору в народе?

Ответить на этот вопрос очень трудно, хотя бы уже потому, что никто, в том числе и бюрократическая элита, толком не знает, какие настроения существуют в широких слоях народа[28]. Как мне кажется, эти настроения правильнее всего было бы назвать “пассивным недовольством”. Недовольство это направлено не против режима в целом — над этим большинство народа просто не задумывается или же считает, что иначе быть не может, — но против частных сторон режима, которые, тем не менее, есть необходимые условия его существования. Рабочих, например, раздражает их несправедливость перед заводской администрацией, колхозников — полная зависимость от председателя (который сам полностью зависит от районного начальства), всех — сильное имущественное неравенство, низкие заработки, тяжелые жилищные условия, нехватка или отсутствие товаров первой необходимости, насильственное прикрепление к месту жительства или работы и т. д. Теперь это недовольство начинает проявляться все громче, к тому же многие уже начинают задумываться: кто же, собственно, виноват? Постепенное, хотя и медленное повышение жизненного уровня, прежде всего благодаря интенсивному жилищному строительству, этого раздражения не снимает, но как-то нейтрализует. Однако ясно, что резкое замедление роста благосостояния, остановка или движение вспять вызвали бы такие сильные вспышки раздражения, связанного с насилием, какие раньше были бы невозможны[29]. Поскольку режиму, в силу его окостенелости, все с большим трудом будет даваться увеличение производства, то очевидно, что уровень жизни многих слоев нашего общества может оказаться под угрозой. Какие же формы примет тогда народное недовольство — форму легального демократического сопротивления или экстремистскую форму вспышек одиночных и массовых насилий?

Как я думаю, никакая идея не может получить практического осуществления, если она уже не была хотя бы понята большинством народа. Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы — и связанной с этим

ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово “свобода” понимается большинством народа как синоним слова “беспорядок”, как возможность безнаказанного свершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность — это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие “период культа личности” стал у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее. Вдобавок постоянно ведется пропаганда, которая всячески стремится противопоставить “личное” — “общественному”, явно подчеркивая всю ничтожность первого и величие последнего. Отсюда всякий интерес к “личному” — естественный и неизбежный — приобрел уродливые эгоистические формы.

Значит ли это, что народ не имеет никаких позитивных идей, кроме идеи “сильной власти” — власти, которая права, потому что сильна, и которой, поэтому, не дай Бог ослабеть?! У русского народа, как это видно и из его истории, и из его настоящего, есть во всяком случае одна идея, кажущаяся позитивной: это идея справедливости. Власть, которая все думает и делает за нас, должна быть не только сильной, но и справедливой, все жить должны по справедливости, поступать по совести. За это можно и на костре сгореть, а отнюдь не за право “делать все, что хочешь”! Но при всей кажущейся привлекательности этой идеи — она, если внимательно посмотреть, что за ней стоит, представляет наиболее деструктивную сторону русской психологии. “Справедливость” на практике оборачивается желанием, “чтобы никому не было лучше, чем мне”[30]. Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а наоборот — заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. Конечно, наиболее типична эта психология для крестьян и наименее — для “среднего класса”. Однако крестьяне и вчерашние крестьяне составляют подавляющее большинство нашей страны[31].

Таким образом, обе понятные и близкие народу идеи — идея силы и идея справедливости — одинаково враждебны демократическим идеям, основанным на индивидуализме. К этому следует добавить еще три негативных взаимосвязанных фактора. Во-первых, все еще очень низкий культурный уровень большей части нашего народа, в частности в области бытовой культуры. Во-вторых, господство массовых мифов, усиленно распространяемых через средства массовой информации. И в-третьих, сильную социальную дезориентацию большей части нашего народа. “Пролетаризация” деревни породила “странный класс” — не крестьян и не рабочих, с двойной психологией собственников своих микрохозяйств и батраков гигантского анонимного предприятия. Кем сама осознает себя эта масса и чего она хочет, никому, я думаю, неизвестно. Далее, колоссальный отлив крестьянской массы из деревни в город породил и новый тип

горожанина: человека, разорвавшего со своей старой средой, старым бытом и культурой и с большим трудом обретающего новые, чувствующий себя в них очень неуютно, одновременно запуганного и агрессивного. Тоже совершенно непонятно, к какому социальному слою он сам себя относит.

Если старые формы уклада как в городе, так и в деревне окончательно разрушены, то новые только складываются. “Идеологическая основа”, на которой они складываются, весьма примитивна: это стремление к материальному благополучию (с западной точки зрения весьма относительному) и инстинкт самосохранения, т.е. понятию “выгодно” противостоит понятие “опасно”. Трудно понять, имеются ли у большинства нашего народа, помимо этих чисто материальных, какие-либо нравственные критерии — понятия “честно” и “нечестно”, “хорошо” и “плохо”, “добро” и “зло”, якобы извечно данные, которые являются сдерживающим и руководящим фактором, когда рушится механизм общественного принуждения и человек предоставлен самому себе. У меня сложилось впечатление, быть может неверное, что таких нравственных критериев у народа нет или почти нет. Христианская мораль с ее понятиями добра и зла выбита и выветрена из народного сознания, делались попытки заменить ее “классовой” моралью, которую можно сформулировать примерно так: хорошо то, что в настоящий момент требуется власти. Естественно, что такая мораль, а также насаждение и разжигание классовой и национальной розни совершенно деморализовали общество и лишили его каких-либо несиюминутных нравственных критериев[32].

Так же христианская идеология, вообще носившая в России полуязыческий и вместе с тем служебно-государственный характер[33], отмерла, не заменившись идеологией марксистской. “Марксистская доктрина” слишком часто кроилась и перекраивалась для текущих нужд, чтобы стать живой идеологией. Сейчас, по мере все большей бюрократизации режима, происходит все большая его дезидеологизация. Потребность же в какой-то идеологической основе заставляет режим искать новую идеологию, а именно — великорусский национализм с присущим ему культом силы и экспансионистскими устремлениями[34]. Режиму с такой идеологией необходимо иметь внешних и внутренних врагов уже не “классовых” — например, “американских империалистов” и “антисоветчиков”, — а национальных — например, китайцев и евреев. Однако подобная националистическая идеология, хотя и даст режиму опору на какое-то время, представляется весьма опасной для страны, в которой русские составляют менее половины населения[35].

Итак, во что же верит и чем руководствуется этот народ без религии и без морали? Он верит в собственную национальную силу, которую должны бояться другие народы[36], и руководствуется сознанием силы своего режима, которую боится он сам. При таком взгляде нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. Ужасы русских революций 1905-07 и 1917-20 годов покажутся тогда просто идиллическими картинками.

Конечно, есть и противовес этим разрушительным тенденциям. Сейчас советское общество можно сравнить со своего рода трёхслойным пирогом — с правящим бюрократическим верхним слоем; средним слоем, который мы назвали выше “средним классом”, или “классом социалистов”; и наиболее многочисленным нижним слоем —

рабочими, колхозниками, мелкими служащими, обслуживающим персоналом и т. д. От того, насколько быстро пойдет рост “среднего класса” и его самоорганизация — быстрее или медленнее, чем разложение системы, — от того, насколько быстро средняя часть пирога будет увеличиваться за счет остальных, зависит, сумеет ли советское общество перестроиться мирным и безболезненным путем и пережить предстоящие ему катаклизмы с наименьшими жертвами.

При этом следует заметить, что есть еще один мощный фактор, противоборствующий всякой мирной перестройке и одинаково негативный для всех слоев общества: это крайняя изоляция, в которую режим поставил общество и сам себя. Это не только изоляция режима от общества и всех слоев общества друг от друга, но прежде всего крайняя изоляция страны от остального мира. Она порождает у всех — начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями — довольно сюрреальную картину мира и своего положения в нем. Но однако, чем более такое состояние способствует тому, чтобы все оставалось неизменным, тем скорее и решительнее все начнет расползаться, когда столкновение с действительностью станет неизбежным.

Резюмируя, можно сказать, что по мере все большего ослабления и самоуничтожения режима ему придется сталкиваться — и уже есть явные признаки этого — с двумя разрушительно действующими по отношению к нему силами: конструктивным движением “среднего класса” (довольно слабым) и деконструктивным движением “низших” классов, которое выразится в самых разрушительных, насильственных и безответственных действиях, как только эти слои почувствуют свою относительную безнаказанность. Однако как скоро режиму предстоят подобные потрясения, как долго еще сможет он продержаться?

По-видимому, этот вопрос может быть рассмотрен двояко: во-первых, если сам режим предпримет какие-то решительные и кардинальные меры по самообновлению, и, во-вторых, если он пассивно будет идти на минимум изменений, чтобы сохранить свое совершенство, как это происходит сейчас. Мне кажется более вероятным второй путь, поскольку он требует от режима меньших усилий, кажется ему менее опасным и отвечает сладким иллюзиям современных “кремлевских мечтателей”. Однако теоретически возможны и какие-то мутации режима: например, военизация режима и переход к откровенно националистической политике (это могло бы произойти путем военного переворота или же постепенного перехода власти к армии)[37] или же, наоборот, экономические реформы и связанная с этим относительная либеризация режима (это могло бы произойти путем усиления в руководстве роли прогматиков-экономистов, понимающих необходимость изменений). Оба эти варианта не кажутся поворотными, однако партаппарат, против которого, в сущности, были бы направлены оба переворота, настолько сращен как с армией, так и с экономическими кругами, что обе эти упряжки, даже рванув вперед, быстро бы увязли в том же самом болоте. Всякая существенная перемена означала бы сейчас персональные замены сверху донизу, поэтому понятно, что лица, олицетворяющие режим, никогда на это не пойдут: сохранить режим ценой самоустранения покажется им слишком дорогой и несправедливой платой.

Говоря о том, как долго сможет просуществовать режим, любопытно провести некоторые исторические параллели. Сейчас, пожалуй, существуют во всяком случае

некоторые из условий, вызвавших в свое время как первую, так и вторую русские революции: кастовое, немобильное общество; окоченелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития; бюрократизация системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве и привилегированное положение отдельных наций. И вместе с тем царский режим, по-видимому, просуществовал бы довольно долго и, возможно, претерпел бы какую-то мирную модернизацию, если бы правящая верхушка не оценивала общее положение и свои силы явно фантастически и не проводила бы внешнеэкспансионистской политики, вызвавшей перенапряжение. Действительно, не начни правительство Николая II войны с Японией, не было бы революции 1905-07 годов, не начни оно войны с Германией, не было бы революции 1917 года[38]. Отчего всякое внутреннее дряхление соединяется с крайней внешнеполитической амбициозностью, мне ответить трудно. Может быть, во внешних кризисах ищут выхода из внутренних противоречий. Может быть, наоборот, та легкость, с которой подавляется всякое внутреннее сопротивление, создает иллюзию всемогущества. Может быть, возникающая из внутривластных целей потребность иметь внешнего врага создает такую инерцию, что невозможно остановиться — тем более, что каждый тоталитарный режим дряхлеет, сам этого не замечая. Зачем Николаю I понадобилась Крымская война, приведшая к крушению созданного им строя? Зачем Николаю II понадобились войны с Японией и Германией? Существующий ныне режим странным образом соединяет в себе черты царствований как Николая I, так и Николая II, а во внутренней политике, пожалуй, и Александра III. Но лучше всего его сравнить с бонапартистским режимом Наполеона III. При таком сравнении Ближний Восток будет его Мексикой, Чехословакия — Папской областью, а Китай — его Германской империей.

II

Вопрос о Китае следует рассмотреть подробно. Китай, как и наша страна, пережил революцию и гражданскую войну и, как и мы, воспользовался марксистской доктриной для консолидации страны. Как и у нас, по мере развития революции марксистская доктрина становилась все в большей степени камуфляжем, который более или менее прикрывал национал-имперские цели. Обобщенно говоря, наша революция прошла три этапа: 1) интернациональный, 2) национальный, связанный с колоссальной чисткой старых кадров, и 3) военно-имперский, закончившийся установлением контроля над половиной Европы[39]. Как мне кажется, китайская революция проходит те же этапы: интернациональный период сменился националистическим[40], и, по логике событий, вслед за этим должна последовать внешняя экспансия.

Мне могут возразить, что Китай не хочет войны, что, несмотря на самый агрессивный тон, с 1949 года Китай своими действиями показал себя как миролюбивая, а не агрессивная держава. Однако это не так. Во-первых, логика внутреннего развития еще только подводит Китай к полосе внешних экспансий, во-вторых, уже ранее Китай показал свою агрессивность там, где не рассчитывал встретить сильного сопротивления, например в Индии[41]. Но, действительно, создавалось впечатление, что Китай хотел бы достичь своих целей, не участвуя сам в глобальной войне, а стравив СССР с США, причем сам он смог бы выступить тогда в качестве арбитра и вершителя судеб мира. Этого Китаю

достичь не удалось, и китайским руководителям уже давно это стало ясно; по-видимому, это приведет и уже приводит к полной переоценке китайской внешней политики.

Между тем неумолимая логика революции ведет Китай к войне, которая, как надеются китайские руководители, разрешит тяжелые экономические и социальные проблемы Китая[42] и обеспечит ему ведущее место в современном мире. И, наконец, в такой войне Китай будет видеть национальный реванш за вековые унижения и зависимость от иностранных держав. Основным препятствием для достижения этих мировых целей являются две современные сверхдержавы — СССР и США. Однако они совместно не противостоят Китаю и сами находятся в антагонистических отношениях. Разумеется, Китай учитывает это. Китай одинаково нападает на словах как на “американский империализм”, так и на “советский ревизионизм, социал-империализм”, однако реальные противоречия и возможности прямого столкновения у Китая гораздо больше с Советским Союзом.

Если США сами не начнут войну с Китаем — а они ее не начнут, — то Китай в ближайшие десятилетия просто не сумеет этого сделать. Он лишен сухопутной границы с США, чтобы использовать свое численное преимущество и применить методы партизанской войны, а также у него нет флота для высадки экспедиционной армии. Ракетноядерная дуэль — при условии, что Китай в течение десяти лет накопит достаточный ракетно-ядерный потенциал, — приведет к взаимному уничтожению, что Китай совершенно не устраивает. Кроме того, Китай в первую очередь заинтересован в расширении своего влияния и приобретении территорий в Азии, а не на североамериканском континенте. Другое дело, смогут ли они получить свободу действий в Азии, пока США сохраняют свою мощь. По-видимому, США во всех случаях попытаются помешать Китаю расширить значительно свое влияние к югу, что может привести к изнурительным локальным войнам, вроде вьетнамской. Но едва ли Китай будет заинтересован в ведении таких ничего не решающих войн — ничего не решающих, поскольку сами США останутся невредимыми. Втягиваться в подобные войны покажется Китаю тем более опасным, пока на севере над ним нависает коварный враг, готовый использовать каждый его промах. Есть еще одно обстоятельство, которое может удержать Китай от экспансии на юг и восток: перенаселенность этих районов и необходимость прокормить или уничтожить их многомиллионное население.

Другое дело на севере. Там лежат громадные малозаселенные пространства Сибири и Дальнего Востока, некогда уже входившие в сферу влияния Китая. Эти территории принадлежат государству, которое является основным соперником Китая в Азии, и во всех случаях Китай должен как-то покончить с ним или нейтрализовать его, для того чтобы самому играть доминирующую роль в Азии и во всем мире. При том, в отличие от США, это гораздо более опасный соперник, который как тоталитарное и склонное к экспансии государство сможет в той или иной форме нанести удар первым[43].

Сначала Китай хотел добиться своей цели “мирным поглощением” СССР, предложив после победы революции в 1949 году объединить обе страны в единое коммунистическое государство. Естественно, что трех- или четырехкратное численное превосходство китайцев если не сразу, то постепенно обеспечило бы им главенствующее положение в подобном государстве, а главное — сразу бы открыло им для колонизации

Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию. Сталин не пошел на это, и китайцы на несколько десятилетий отложили свои планы, которые, очевидно, им придется осуществлять уже военным путем. При этом, в отличие от рассмотренного выше случая с США, Китай не только может воевать с СССР, но и будет иметь в подобной войне некоторые преимущества. Поскольку СССР сейчас в военном отношении гораздо более мощная держава, чем Китай, режим, следуя политике навязывания своей воли и одновременно страху перед Китаем, будет время от времени шантажировать Китай[44], что только побудит китайцев начать войну первыми и тем способом, который будет благоприятнее для них. Однако Китай не сможет начать войну, не накопив предварительно значительные — пусть и меньшие, чем у СССР, — запасы ракетно-ядерного и обычного оружия. От того, как скоро Китай сумеет этого добиться, и будут, видимо, зависеть сроки начала войны. Считая минимальным сроком пять лет и максимальным десять, мы получим, что война СССР с Китаем начнется где-то между 1975 и 1980 годами[45].

Располагая значительным ракетно-ядерным потенциалом, Китай, как я думаю, начнет тем не менее войну обычными или даже партизанскими методами, стремясь использовать свое колоссальное численное превосходство и опыт партизанской войны, — и поставит СССР перед альтернативой: принять навязанный Китаем метод ведения войны или нанести ядерный удар и тем самым получить ядерный удар в ответ. Вероятно, СССР выберет первый путь, так как развязать ядерную войну, даже при наличии противоракетной обороны, крайне опасно, если не самоубийственно. В то же время превосходство СССР и в обычном вооружении может создать у советского руководства впечатление, что с китайской армией можно будет покончить или во всяком случае отбросить ее обычным путем. Кроме того, может оказаться так, что сам момент начала войны как бы растворится: по мере развития своей ядерной мощи, Китай постепенно на разных концах семитысячекилометровой границы с СССР будет проводить ограниченные стычки, просачивание небольших отрядов и иного рода локальные столкновения, которые в нужный Китаю момент перерастут в общую войну. Так что окажется очень трудно установить, в какой же момент наносить ядерный удар по Китаю. Однако логично рассмотреть и другой вариант: считая Китай потенциальным ядерным соперником и агрессором, советское руководство решит нанести превентивный ядерный удар по китайским ядерным центрам, прежде чем Китай успеет в достаточной степени накопить ядерное оружие для мощного ответного удара. Нанести такой удар советское руководство сможет, само развязывая отдельные стычки на границе и представляя Китай агрессором в глазах собственной страны и мирового общественного мнения. Кажется невероятным, чтобы бюрократический режим решился на такой отчаянный шаг, не принимая во внимание позицию остальных ядерных держав, но даже если это произойдет, это послужит не к предотвращению войны, а сигналом к ее началу. Ведь будут уничтожены основные ракетные базы Китая, а не сам Китай, который немедленно начнет в ответ изнурительную партизанскую войну, одинаково страшную для СССР, будет ли она происходить на советской или на китайской территории[46]. Решится ли в таком случае режим на тотальное уничтожение ядерным оружием всех китайских сел и городов и всего восьмисот-миллионного китайского народа? Эту апокалиптическую картину трудно вообразить, но вполне можно допустить, зная, что именно страх толкает на самые отчаянные шаги. Надо надеяться, что остальные ядерные державы не допустят этого,

прежде всего потому, что такие действия представляли бы страшную угрозу и для всего остального мира.

Возможно, что Китай допускает возможность такого превентивного удара, и в таком случае в течение ближайших пяти лет он будет проводить более осторожную политику и даже заигрывать с СССР, чего он не делал ранее из соображений внутренней политики. Тогда последуют дипломатические и, возможно, даже партийные контакты (ничего, впрочем, не значащие), двусмысленные заявления, дающие надежду на примирение, а также будет слегка приглушен тон критических заявлений о “советском ревизионизме, социал-империализме”. Но в то же время антисоветская кампания внутри Китая не будет прекращаться, чтобы держать китайский народ в постоянной готовности к великим событиям. В то же время Китай сможет искать более тесные контакты с США — и тогда многое будет зависеть от их отношений. Однако я думаю, что превентивный удар нанесен не будет, по крайней мере по двум причинам: во-первых, в силу крайней опасности такого удара, пока не исчерпаны остальные средства, во-вторых, потому что возможная агрессия Китая не столь самоочевидна, чтобы идти на такие рискованные шаги. А значит, Китай получит достаточный ракетно-ядерный потенциал, чтобы шантажировать СССР ответным ударом, вздумай он в целях самообороны использовать свое ядерное преимущество. Так Советскому Союзу будет навязана партизанская война на колоссальной территории, лежащей по обе стороны семитысячекилометровой границы[47].

Хотя, надо полагать, давно разработаны планы на случай войны с Китаем, Советский Союз, как я думаю, не готов к партизанской или полупартизанской войне ни с технической, ни с психологической точек зрения. Два прошедших десятилетия война в нашей стране мыслилась как столкновение двух технически оснащенных армий, чуть ли не как “кнопочная война”, как война на западе и со странами западной культуры и, наконец, как война с меньшими по численности сухопутными армиями. Безусловно, все это наложило такой отпечаток на военное мышление, преодолеть который будет очень трудно. Да и народное сознание больше подготовлено к войне с “американцами”, с “империалистами”, к нападениям с воздуха и сухопутной войне в Европе.

Разумеется, очень трудно предсказать, как будут развиваться военные действия, удастся ли советским войскам энергичным броском вторгнуться на китайскую территорию и оккупировать значительную часть Китая или же китайцы, наоборот, медленно, но верно будут просачиваться на советскую территорию. Однако уже сейчас можно предвидеть, что Советскому Союзу придется столкнуться в этой войне с трудностями, с которыми раньше обычно сталкивались как раз его противники.

Во-первых, уже сам метод партизанской войны, начиная с XVII века, всегда был методом русских, применявшимся против вторгавшихся на их территорию компактных армий, и почти никогда не применялся против русских армий, вторгавшихся в культурную Европу. Во-вторых, с самого начала советским армиям придется столкнуться с громадной растянутостью коммуникаций, поскольку война будет вестись на его границах, на тысячи километров отстоящих от основных экономических и демографических центров[48]. В-третьих, русский солдат, зачастую уступая своим противникам в отношении культуры, обычно превосходил их в отношении

неприхотливости, стойкости и выносливости, теперь же эти преимущества, столь важные в партизанской войне, будут на стороне китайцев[49]. И, наконец, поскольку речь идет о Дальнем Востоке, Сибири и Казахстане или пограничных с ними районах Китая, война будет вестись на малозаселенных или заселенных не русскими территориях, что создаст широкие возможности партизанского проникновения и, наоборот, трудности со снабжением для больших технически оснащенных армий.

Все это во всяком случае говорит о том, что война будет затяжной и изнурительной, без скорого успеха для той или иной стороны. С такой точки зрения интересно рассмотреть три вопроса: отношение США к советско-китайской войне, развитие событий в Европе и положение в Советском Союзе. Со времени второй мировой войны США, как кажется, проявляют заинтересованность в соглашении и затем партнерстве с СССР. Первая попытка в этом направлении, сделанная Рузвельтом, привела к разделу Германии и всей Европы и десятилетней “холодной войне”. Однако это не остановило американцев, и они как в эпоху Хрущева, так и сейчас продолжают рассчитывать на то, что в недалеком будущем возможно какое-то соглашение между СССР и США и совместное решение международных проблем. Такой подход, видимо, обусловлен не какими-то особыми симпатиями США к советской системе[50], а тем, что в современном мире СССР является единственной реальной силой, по своему значению приближающейся к силе США. Это подлинное равноправие и вызывает, вероятно, жажду соглашения и сотрудничества. Но с этой точки зрения очевидно, что по мере усиления мощи и влияния Китая в США будет увеличиваться также тяга к соглашению с Китаем и в режиме Мао или его преемников американские либералы начнут находить столь же симпатичные черты, что и в режиме Сталина или Хрущева.

Следуя политике поощрять коммунизм там, где народы не хотят коммунизма, и противоборствовать там, где народы его хотят, США не только содействовали расколу Европы, но и испортили свои отношения с Китаем. Можно сказать, что их национальные интересы не вынуждали их к этому, по отношению к Китаю они руководствовались политикой “сдерживания коммунизма”, который понимался как нечто интегрированное. Этим самым они способствовали сближению двух коммунистических гигантов — СССР и Китая, — и понадобилось по крайней мере 10 лет, прежде чем обнаружилось крупное расхождение между ними. Сами же США связали себе руки поддержкой режима Чан Кай-ши, оказавшегося нежизнеспособным[51].

В то же время, если бы США поддерживали во время гражданской войны Мао Цзе-дуна, они предотвратили бы сближение Китая и СССР, избежали бы корейской войны, а также в значительной степени способствовали бы смягчению коммунистического режима в Китае. Правда, как можно думать, США начинают понемногу отказываться от своей прежней политики по отношению к Китаю, и предугадать сейчас их отношение к возможному советско-китайскому военному конфликту было бы очень трудно. Многое будет зависеть еще и от той позиции, которую сам Китай займет по отношению к США в преддверии войны с СССР, а также от разрешения тайваньской и вьетнамской проблем. Рассматривая же вопросы сближения США с СССР или КНР в более широком историческом плане, следует заметить, что всякое сотрудничество, очевидно, должно базироваться не только на

равенстве сил и негативном стремлении сохранить собственную исключительность, но и на общности каких-то позитивных интересов и целей. Поэтому я думаю, что сближение с СССР только тогда будет иметь смысл для США, когда в СССР произойдут серьезные демократические сдвиги. До тех пор всякое соглашение будет продиктовано для СССР или страхом перед Китаем, или попыткой сохранить собственный режим благодаря американской экономической помощи[52], или желанием воспользоваться американской дружбой для навязывания или сохранения своего влияния в других странах, а также желанием обоих государств путем взаимной поддержки удержать свою ведущую роль в мире[53].

При отдельных выгодах, в целом такая “дружба”, основанная на лицемерии и страхе, ничего не принесет США, кроме новых затруднений, как это уже было в результате сотрудничества Рузвельта со Сталиным. Сотрудничество предполагает взаимную опору, но как можно опереться на страну, которая в течение веков пучится и расплзается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач?! Подлинное сближение может быть основано на общности интересов, культуры, традиций, на понимании друг друга. Ничего этого нет. Что общего между демократической страной, с ее идеализмом и прагматизмом, и страной без веры, без традиций, без культуры и умения делать дело. Массовой идеологией этой страны всегда был культ собственной силы и обширности, а основной темой ее культурного меньшинства было описание своей слабости и отчужденности, яркий пример чему — русская литература. Ее славянское государство поочередно создавалось скандинавами, византийцами, татарами, немцами и евреями — и поочередно уничтожало своих создателей. Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего.

Сейчас в России можно слышать такие примерно разговоры: США нам помогут, потому что мы белые, а китайцы желтые. Будет очень печально, если и США станут на такую расистскую точку зрения. Единственная реальная надежда на лучшее будущее для всего мира это не расовая война, а межрасовое сотрудничество, лучшим примером чему могли бы стать отношения между США и Китаем. Китай, безусловно, с течением времени значительно повысит жизненный уровень своего народа и вступит в период либерализации, что в сочетании с традиционной верой в духовные ценности сделает Китай замечательным партнером демократической Америки. Конечно, тут очень многое зависит от самих США, от того, будут ли они следовать своей закостенелой политике по отношению к Китаю или же исправлять прежние ошибки и искать новые пути.

Если США осознают все это, они не будут помогать СССР в войне против Китая, понимая, тем более, что Китай не в состоянии полностью уничтожить СССР. В таком случае Советский Союз останется с Китаем один на один — а что же будут делать наши европейские союзники?

После второй мировой войны у СССР была возможность создать на своей западной границе цепь нейтралистских государств, включая Германию, и тем самым свою безопасность в Европе. Такие государства, со своего рода “промежуточными” режимами, какой, например, был в Чехословакии до 1948 года, явились бы своего рода прокладкой между Западом и СССР и обеспечили бы стабильное положение в Европе[54]. Однако

СССР, следуя сталинской политике территориальной экспансии и усиления напряжения, максимально расширил сферу своего влияния и тем самым создал для себя потенциальную угрозу. Поскольку существующее сейчас положение в Европе поддерживается только постоянным давлением Советского Союза[55], то можно полагать, что как только это давление ослабеет или вообще сойдет на нет, в Центральной и Восточной Европе произойдут значительные изменения.

По-видимому, как только станет ясно, что военный конфликт СССР с Китаем принимает затяжной характер, что все силы СССР перемещаются на восток и он не может отстаивать свои интересы в Европе, произойдет воссоединение Германии[56]. Трудно сказать, произойдет ли оно путем поглощения Западной Германией Восточной или же сами послеульбрихтовские руководители ГДР, поняв реальное положение вещей, пойдут на добровольное воссоединение с ФРГ, чтобы сохранить себе часть привилегий. Во всех случаях воссоединенная Германия с достаточно сильной антисоветской ориентацией создаст совершенно новую ситуацию в Европе.

По-видимому, воссоединение Германии совпадет с процессом “десоветизации” восточно-европейских стран и значительно ускорит этот процесс[57]. Трудно сказать, как он пойдет и какие формы примет — “венгерские”, “румынские” или “чехословацкие” — однако приведет, очевидно, к национал-коммунистическим режимам, для каждой страны представляющим своего рода подобие докоммунистического режима[58]. Причем по крайней мере несколько стран, как Венгрия или Румыния, сразу же примут отчетливую прогерманскую ориентацию. Помешать этому СССР мог бы, очевидно, только путем военной оккупации всех восточноевропейских стран, чтобы создать своего рода “тыл” дальневосточного фронта, но по существу такой “тыл” свелся бы ко “второму фронту” — т. е. фронту с Германией, которой помогали бы народы восточноевропейских стран, на что СССР уже не сможет пойти. Скорее наоборот, “десоветизированные” восточноевропейские страны помчатся как конь без узды и, видя бессилие СССР в Европе, предъявят незабытые, хотя и долго замалчиваемые территориальные претензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию. Не исключена возможность, что также Финляндия предъявит претензии на Выборг и Печенгу. Очень вероятно, что по мере все большего увязания СССР в войне, также Япония предъявит территориальные претензии сначала на Курилы, затем на Сахалин, а потом, если успехи будут одерживать Китай, то и на часть советского Дальнего Востока[59]. Короче говоря, СССР придется полностью расплачиваться за территориальные захваты Сталина и ту изоляцию, в которую поставили страну неосталинисты. Однако самые важные для будущего СССР события произойдут внутри страны.

Естественно, что начало войны с Китаем, который будет представлен как агрессор, вызовет вспышку русского национализма — “мы им покажем!” — и одновременно даст некоторые надежды национализму нерусскому. В дальнейшем обе эти тенденции будут идти одна по затухающей, а другая по возрастающей кривой. Действительно, война будет идти далеко, не воздействуя тем самым непосредственно на эмоциональное восприятие народа и на налаженный стиль жизни, как это было во время последней войны с Германией, но в то же время, требуя все новых и новых жертв. Постепенно это будет порождать все большую моральную усталость от войны, ведущейся далеко и неизвестно

зачем. Между тем начнутся экономические, в частности продовольственные трудности, тем более ощутимые, что за последние годы уровень жизни медленно, но неуклонно повышался. Поскольку режим не настолько мягок, чтобы сделать возможными какие-то легальные формы проявления недовольства и тем самым их разрядку, и в то же время не настолько жесток, чтобы исключить саму возможность протеста, начнутся спорадические вспышки народного недовольства, локальные бунты, например из-за нехватки хлеба. Их будут подавлять с помощью войск, что ускорит разложение армии[60]. По мере роста затруднений режим средний класс будет занимать все более враждебную позицию, считая что режим не в состоянии справиться со своими задачами. Измена союзников и территориальные претензии на западе и востоке будут усиливать ощущение одиночества и безнадежности. Экстремистские организации, которые появятся к тому времени, начнут играть все большую роль. Вместе с тем крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье[61]. Между тем бюрократический режим, который привычными ему полумерами не в состоянии будет одновременно вести войну, разрешать экономические трудности и подавлять или удовлетворять народное недовольство, все больше будет замыкаться в себе, терять контроль над страной и даже связь с действительностью. Достаточно будет сильного поражения на фронте или какой-либо крупной вспышки недовольства в столице — забастовки или вооруженного столкновения, — чтобы режим пал.

Конечно, если до того времени власть полностью перейдет в руки военных, модифицированный таким образом режим продержится несколько дольше, но, не решая опять же самых насущных и во время войны уже почти неразрешимых вопросов, падет еще более страшно. Если мы ранее правильно определили начало войны с Китаем, то это произойдет где-то между 1980 и 1985 годами. По-видимому, демократическое движение, которому режим постоянными репрессиями не даст окрепнуть, будет не в состоянии взять контроль в свои руки, во всяком случае на столь долгий срок, чтобы решить стоящие перед страной проблемы. В таком случае неизбежная “дезимперизация” пойдет крайне болезненным путем. Власть перейдет к экстремистским группам и элементам, и страна начнет расползаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды. В этом случае границы между молодыми национальными государствами, которые начнут возникать на территории бывшего Советского Союза, будут определяться крайне тяжело, с возможными военными столкновениями, чем воспользуются соседи СССР, и конечно в первую очередь Китай. Но возможно, что “средний класс” окажется все-таки достаточно силен, чтобы удержать контроль в своих руках. В таком случае предоставление независимости отдельным советским народам произойдет мирным путем и будет создано нечто вроде федерации, наподобие Британского содружества наций или Европейского экономического сообщества. С Китаем, также обессиленным войной, будет заключен мир, а споры с европейскими соседями улажены на взаимоприемлимой основе. Возможно даже, что Украина, Прибалтийские республики и Европейская Россия войдут как самостоятельные единицы во Всеевропейскую федерацию.

Возможен также и третий вариант, а именно — что ничего вышеизложенного не будет. Но что же будет? Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия

своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима — но не в силах отвратить его[62]. Но хотя эта империя всегда стремилась к максимальной самоизоляции, едва ли правильно рассматривать ее гибель вне связи с остальным миром.

Стало общим местом считать основным направлением современного развития научный прогресс, а основную угрозу цивилизации усматривать в тотальной ядерной войне. Между тем и научный прогресс, с каждым годом съедая все большую часть валового мирового продукта, может превратиться в регресс, и цивилизация — погибнуть без столь ослепительной вспышки, как взрыв сверхядерной бомбы.

Хотя научный и технический прогресс меняет мир буквально на глазах, он опирается, в сущности, на очень узкую социальную базу, и чем значительнее будут научные успехи, тем резче контраст между теми, кто их достигает и использует, и остальным миром. Советские ракеты достигли Венеры — а картошку в деревне, где я живу, убирают руками. Это не должно казаться комичным сопоставлением, это разрыв, который может развернуться в пропасть. Дело не столько в том, как убирать картошку, но в том, что уровень мышления большинства людей не поднимается выше этого “ручного” уровня. Действительно, хотя в экономически развитых странах наука требует не только все больше средств, но и все больше людей, основные принципы современной науки понятны, в сущности, ничтожному меньшинству. Пока что это меньшинство вкупе с правящей элитой пользуется привилегированным положением, но как долго это будет продолжаться?

Мао Цзе-дун говорит об окружении “города” — экономически развитых стран — “деревней” — слаборазвитыми странами. Действительно, экономически развитые страны составляют небольшую по численности населения часть мира. Далее, и в этих странах “город” окружен “деревней” — деревней в настоящем смысле этого слова или же вчерашними деревенскими жителями, лишь недавно переехавшими в города. Но и в городах люди, направляющие современную цивилизацию и нуждающиеся в ней, составляют ничтожное меньшинство. И, наконец, в нашем внутреннем мире “город” также окружен “деревней” подсознательного — и при первом же потрясении привычных ценностей мы сразу это почувствуем. Не является ли именно этот разрыв величайшей потенциальной угрозой для нашей цивилизации?

Угроза “городу” со стороны “деревни” тем более сильна, что в “городе” наблюдается тенденция ко все большей личной обособленности, в то время как “деревня” стремится к организации и единству. Мао Цзе-дуна это радует, но жителей мирового “города”, как мне кажется, должно беспокоить их будущее.

Пока же, как нам говорят, западная футурология обеспокоена именно ростом городов и теми трудностями, которые возникают в связи с бурным научно-техническим прогрессом. По-видимому, если бы футурология существовала в императорском Риме, где, как известно, строились уже шестизэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи V века предсказали бы на ближайшее столетие строительство двадцатизэтажных зданий и промышленное применение паровых

машин. Однако, как мы уже знаем, в VI веке на форуме паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне.

Апрель-май-июнь 1969,

город Москва - деревня Акулово

[Политика] | [Библиотека «Вехи»]

© 2004, Библиотека «Вехи»

[1] Взгляды о приближающемся кризисе советской системы я начал высказывать с осени 1966 года, вскоре после своего возвращения из сибирской ссылки. Сначала своим немногочисленным друзьям, а в ноябре 1967 года изложил их в письме, которое направил в “Литературную газету” и “Известия” с просьбой опубликовать его там. Я получил любезный ответ, что редакции обеих газет не хотят этого делать, так как не разделяют ряд положений письма. Однако дальнейшие события как внутри страны, так и за ее пределами убеждали меня, что многие мои предположения основательны, и я решил изложить их в отдельной статье. Сначала я предполагал назвать ее “Просуществует ли Советский Союз до 1980 года?”, рассматривая 1980 год как ближайшую реальную круглую дату. В марте 1969 года об этом появилось упоминание в печати: московский корреспондент “Вашингтон пост” г-н Шуб вкратце и не совсем точно изложил некоторые мои взгляды и привел заглавие моей будущей статьи, называя меня “одним русским другом” (“Интернейшнл геральд трибюн”, 31 марта, 1969). Однако специалист по древней китайской идеологии и вместе с тем поклонник современной английской литературы, которого я в свою очередь вынужден назвать “одним русским другом”, посоветовал мне заменить 1980 год на 1984. Я тем более охотно произвел эту замену, что мое пристрастие к круглым датам нисколько не пострадало — если учесть, что сейчас 1969 год, мы заглядываем в будущее ровно на полтора десятилетия.

Мою работу над статьей несколько задержал и затруднил обыск, сделанный у меня 7 мая, при котором был изъят ряд нужных мне материалов. Однако я считаю своим приятным долгом поблагодарить сотрудников КГБ и Прокуратуры, делавших обыск, за то, что они не изъяли у меня рукопись этой статьи и тем самым дали возможность довести работу над ней до благополучного конца.

Считая выводы своей статьи во многом спорными, я буду благодарен за ее позитивную критику. В тех случаях, когда читатели моей статьи найдут это целесообразным, они могут писать непосредственно мне по адресу: СССР, Москва Г-2, ул. Вахтангова, дом 5, кв. 5.

[2] Правда, стали появляться подпольные группы с оппозиционными программами, как например группа Краснопевцева, арестованная в 1956 году. Однако в силу их нелегальности и тем самым отсутствия гласности протест каждой такой группы был достоянием только ее малочисленных членов.

[3] Я имею в виду такие явления, как публикация Пастернаком “Доктора Живаго”, издание Гинзбургом машинописного журнала “Синтаксис”, публичные чтения стихов на площади Маяковского, выставки независимых художников, как Зверев или Рабин, публикации в официальной печати нескольких романов, рассказов и стихов, затем подвергнутых суровой критике, появление большого количества авторов и исполнителей песен, разошедшихся в миллионах магнитофонных лент, как Окуджава, Галич, Высоцкий и т. д. Все это были явления совершенно разного культурного порядка, но равно направленные против официальной культуры.

[4] “Самиздат” — означает, что автор сам себя издает, и по-существу является традиционной русской формой обхода официальной цензуры. Как пример “самиздата” можно привести романы Солженицына, воспоминания Аксеновой-Гинзбург, Адамовой, Марченко, статьи Краснова-Левитина, рассказы Шаламова, стихи Горбаневской и т. д. Но надо заметить, что значительная часть “самиздата” анонимна. К “самиздату” можно отнести и то, что сначала издавалось за границей и только потом попадало в СССР, как, например, книги Синявского и Даниэля, а также перепечатанные на машинке или переснятые на пленку книги зарубежных авторов, как Орвелл или Джилас, или статьи из зарубежных газет и журналов.

[5] Примерами такой борьбы могут служить осуждение Синявского и Даниэля соответственно на 7 и 5 лет строгого режима за издание своих книг за границей (1965), осуждение Черновола на 3 года за составление сборника о политических процессах на Украине (1967), осуждение Галанскова на 7 лет за составление сборника “Феникс” и Гинзбурга на 5 лет за составление сборника документов по делу Синявского и Даниэля (1968), осуждение Марченко на 1 год за книгу о послесталинских лагерях (1968). Суровые меры принимаются также против распространителей “самиздата”. Так, машинистка Лашкова была осуждена на 1 год только за то, что печатала материалы для Гинзбурга и Галанскова (1968), Гендлер, Квачевский и Студенков соответственно на 4, 3 и 1 год только за чтение и распространение нецензурированной литературы (1968), Бурмистрович на 3 года за то же (1969).

[6] Несмотря на проведение судебных процессов в тайне, все же стало известно о нескольких подобных группах с 1956 года: группе Краснопевцева-Ренделя (осуждена в 1956), группе Осипова-Кузнецова (1961), группе “Колокол” (1964), группе Дергунова (1967) и др. Самой большой из известных до сих пор нелегальных организаций был Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа (в 1967-68 годах в Ленинграде по делу Союза был осужден 21 человек, однако число членов Союза было гораздо больше).

[7] Вопрос очень интересный, и возможно, что я ошибаюсь из-за плохого знания фактического материала. Знать же его по вполне понятным причинам сейчас пока просто невозможно, это станет возможно только после опубликования послевоенных архивов КГБ. Я вовсе не хочу сказать, что не было людей или даже группок с определенной позитивной идеологией, однако существовала крайняя духовная изоляция, полное отсутствие гласности и малейшая надежда, что возможны какие-то перемены, а это в корне подрубало возможность существования какой-то позитивной идеологии.

[8] Представителями “марксистской идеологии” можно считать, например, А. Костерина (умер в 1968 г.), П. Григоренко, И. Яхимовича. “Христианской идеологией” руководствовался Всероссийский социально-христианский союз, наиболее яркая фигура которого — И. Огурцов. Чтобы быть правильно понятым, хочу подчеркнуть, что под условно названной так “христианской идеологией” я подразумеваю политическую доктрину, а отнюдь не религиозную философию или церковную идеологию, представителей которых скорее можно рассматривать как участников “культурной оппозиции”. И, наконец, представителями “либеральной идеологии” можно считать П. Литвинова и, с некоторыми оговорками, академика Сахарова. Интересно, что в более умеренной форме все эти идеологии проникают и в близкие к режиму круги.

[9] Это видно, в частности, из некоторых писем, полученных П. Литвиновым от советских граждан в ответ на его и Л. Богораз обращение “К мировой общественности” и изданных на Западе под редакцией профессора Ван хет Реве. Но, пожалуй, наиболее яркий пример приведен А. Марченко в его книге “Мои показания”: будучи рабочим с семиклассным образованием, он по сфабрикованному политическому обвинению попал в лагерь и там, желая найти какую-то

идеологическую опору, прочел подряд все тридцать с лишним томов Ленина (как можно понять, другой политической литературы в лагерной библиотеке не было).

[10] Сейчас, в период “эскалации репрессий” со стороны режима, оно, видимо, пойдет на убыль — часть участников Движения сядет в тюрьму, а часть отойдет от Движения, — однако, как только давление ослабеет, число участников может быстро пойти вверх.

[11] Таким образом, его начало можно отнести к 1968 году. Но попытки массовых легальных действий имели место и раньше, по-видимому с 1965 года: демонстрация 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади с требованием гласности суда над Синявским и Даниэлем (участвовало около 100 человек, никто не был арестован, но группа студентов исключена из Московского университета); коллективные письма в правительственные инстанции в 1966 году с просьбами о смягчении участи Синявского и Даниэля, а также коллективное письмо против попыток реабилитации Сталина и коллективное письмо против введения новых статей в Уголовный кодекс (1901 и 1903), подписанные видными представителями интеллигенции (видимо поэтому никаких заметных репрессий не было); демонстрация 22 января 1967 года на Пушкинской площади с требованием освобождения арестованных за несколько дней перед тем Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского (участвовало около 30 человек, пятеро было арестовано и четверо осуждено на срок от 1-го до 3-х лет по нововведенной ст. 1903 УК).

[12] В абсолютных числах это выглядит так: ученых — 314 (докторов — 35, кандидатов — 94, без степеней — 185); деятелей искусства — 157 (членов официальных союзов — 90, не членов — 67); инженеров техников — 92 (инженеров — 80, техников — 12); издательских работников, учителей, врачей, юристов — 65 (редакторов — 14, служащих — 14, учителей — 15, врачей — 9, юристов — 3, лиц тех же профессий, вышедших на пенсию — 7, мастер спорта — 1, священник — 1, председатель колхоза — 1); рабочих — 40; студентов — 32. Подсчет этот, впрочем, носит не всегда достоверный характер и потому приблизителен. Я произвел его по “Процессу четырех” — сборнику документов до делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, составленного и прокомментированного Павлом Литвиновым. Я учитывал каждого человека только один раз, вне зависимости от того, под сколькими заявлениями или протестами он подписался. Я думаю, что если подсчитать число подписавших все заявления и письма с требованием соблюдения законности, начиная с писем по делу Синявского и Даниэля (1966) и кончая протестом против ареста генерала Григоренко (1969), то оно окажется более тысячи (учитывая людей, а не подписи).

[13] Я имею в виду, что научная работа требует, как правило, большой отдачи сил и полной сосредоточенности, привилегированное положение в обществе предостерегает от рискованных шагов, а воспитанное наукой мышление носит скорее умозрительный, чем прагматический характер. Хотя рабочие представляют сейчас гораздо более консервативную и пассивную группу, чем ученые, я вполне могу себе представить через несколько лет крупные забастовки на заводах, но вот забастовку в каком-либо научно-исследовательском институте вообразить себе не могу.

[14] Регулярную хорошую пищу, хорошую одежду, кооперативную квартиру с хорошей обстановкой и иногда даже автомобиль, и, разумеется, какие-то развлечения.

[15] Например, способностью слушать серьезную музыку, или интересоваться живописью, или регулярно ходить в театр.

[16] Это опять же видно из анализа авторов и участников различного рода петиций и протестов по делу Галанскова-Гинзбурга. Я не хочу тем самым конечно сказать, что весь “средний класс” стал на защиту двух “отщепенцев”, а только, что некоторые представители этого класса уже ясно осознали необходимость правопорядка и стали, с опасностью для себя лично, требовать его от режима.

[17] Это устранение, как в форме эмиграции и высылки из страны, так и тюремного заключения и физического уничтожения коснулось всех слоев нашего народа.

[18] С другой стороны, тот, кто издает приказы, тоже лишается чувства ответственности, поскольку нижестоящий слой чиновников рассматривают эти приказы уже как “хорошие”, раз они исходят сверху, и это порождает у властей иллюзию, что все, что они делают, — хорошо.

[19] Отсюда многие явные и неявные протесты в СССР принимают характер недовольства младшего клерка тем, как к нему относится старший. Особенно наглядно это видно на примере некоторых писателей, имена которых употребляются на Западе как эталон “советского либерализма”. Они склонны рассматривать свои права и обязанности не как прежде всего права и обязанности писателя, а как права и обязанности “чиновников по литературной части”, пользуясь выражением одного из героев Достоевского. Так, после известного письма Солженицына о положении советских писателей московский корреспондент “Дейли Телеграф” г-н Миллер в частной беседе спросил известного советского поэта, намерен ли он присоединиться к протесту Солженицына. Тот ответил отрицательно. “Поймите, — сказал он, — положение писателя — это наше внутреннее дело, это вопрос наших взаимоотношений с государством”. То есть он рассматривал все не как вопрос писательской совести и морального права и обязанности писателя писать то, что он думает, а как вопрос внутрислужебных отношений советского “литературного ведомства”. Он тоже протестует, но он протестует как мелкий чиновник — не против ведомства как такового — а против слишком низкой заработной платы или слишком грубого начальника. Конечно, это “внутреннее дело” — и оно не должно интересовать тех, кто к этому ведомству не относится. Этот любопытный разговор произошел в одном из московских валютных магазинов.

[20] Которое понимается уже как самосохранение бюрократической элиты, ибо для того, чтобы удержаться режиму — он должен меняться, а для того, чтобы удержаться самим — все должно оставаться неизменным. Это видно, в частности, на примере так затратно проводимой “экономической реформы”, в общем-то так нужной режиму.

[21] Например, принятие в 1961 году не внесенного в Уголовный кодекс указа о пятилетней ссылке с принудительным трудоустройством для лиц без постоянной работы или расширение меры наказания за валютные операции вплоть до расстрела, с фактическим приданием этому указу обратной силы.

[22] Например, общение советских граждан с иностранцами, занятие немарксистской философией и несоциалистическим искусством, попытка издания каких-либо литературных машинописных сборников, устная и писаная критика не системы в целом, что предусмотрено ст. ст. 70 и 1901 УК РСФСР, а лишь отдельных учреждений системы и т. д.

[23] Это породило два таких любопытных явления, как массовые внесудебные репрессии и выборочные судебные. Ко внесудебным репрессиям прежде всего следует отнести увольнение с работы и исключение из партии: например, в течение одного месяца было уволено свыше 15% всех лиц, подписавших разного рода петиции с требованием соблюдения законности на процессе Галанскова/Гинзбурга, и почти все члены КПСС исключены из партии. Выборочные судебные репрессии имеют целью запугать всех тех, кто в равной степени мог бы им подвергнуться, поэтому человек, совершивший с точки зрения режима даже более криминальные поступки, может остаться на свободе, тогда как человек менее виновный сест в тюрьму, если его осуждение требует меньших бюрократических усилий или по конъюнктурным соображениям представляется более желательным. Характерный пример: суд над московским инженером Ириной Белгородской (январь 1969). Она обвинялась в “покушении на распространение” признанного судом “антисоветским” воззвания в защиту политзаключенного Анатолия Марченко и осуждена на 1 год. Вместе с тем авторы этого воззвания, публично заявившие, что они его составили и

распространяли, даже не были вызваны в суд как свидетели. Так же получает все более широкое распространение такая омерзительная репрессивная мера, как принудительное помещение в психиатрическую больницу. Оно применяется как к лицам с легким психическим расстройством, не нуждающимся в госпитализации и принудительном лечении, так и к совершенно здоровым людям. Как мы теперь видим, существование “сталинизма без насилия” по мере выветривания в людях страха перед прежним насилием неизбежно приводит к насилию новому: сначала “выборочным репрессиям” против недовольных, затем “мягким” массовым репрессиям, а что затем?

[24] Я хочу привести здесь небольшой, но характерный пример со своим другом Анатодем Шубом, бывшим корреспондентом “Вашингтон пост” в Москве. В конце марта он сказал мне что, по его мнению, положение режима настолько сложно и трудно, что, по всей видимости, в апреле будет пленум ЦК КПСС, на котором если и не произойдет решающая смена руководства, то во всяком случае будет взят более умеренный и благоразумный курс. Поэтому он хочет проявлять до пленума максимальную осторожность, чтобы не оказаться последним американским корреспондентом, высланным из Москвы до либеральных перемен. Однако никаких перемен в апреле не произошло — если не считать перемен в Чехословакии — а Анатодем Шуб был благополучно выслан из Москвы в мае.

Конечно, Анатодем Шуб — один из американцев, наиболее здраво оценивающих советскую действительность, и, быть может, у него были какие-то основания предполагать, что в апреле будет пленум. Однако он проявил ту же излишнюю американскую веру в “разумные перемены”, которые, очевидно, возможны только там, где жизнь с самого начала строится хотя бы частично на разумных основаниях.

Помимо веры в разум, американцы, как кажется, верят и в то, что постепенный рост благосостояния и так сказать “культурно-бытовая” диффузия Запада постепенно преобразят советское общество, что иностранные туристы, джазовые пластинки и мини-юбки будут способствовать созданию “гуманного социализма”. Быть может, у нас и будет “социализм” с открытыми коленками, но отнюдь не социализм с человеческим лицом. Мне кажется, что рост бытовой культуры и экономического благосостояния сам по себе не предохраняет от насилия и не устраняет его, чему пример — такие развитые страны, как нацистская Германия. Насилие — всегда насилие, но в каждой отдельной стране оно имеет свои специфические черты, и правильно понять причины, которые его породили и которые могут привести к его концу, можно только в историческом контексте каждой страны.

[25] Так называемая “экономическая реформа”, о которой я говорил уже выше, сама по себе половинчата, а на деле саботируется партаппаратом, поскольку логическое доведение подобной реформы до конца ему непосредственно угрожает.

[26] Об изменении условий правящей элите все время сигнализировали бы трудности во внешней и внутренней политике, экономические трудности и т. д.

[27] Сейчас мы видим все большую тягу к спокойной жизни и комфорту и даже своего рода “культ комфорта” во всех слоях общества, прежде всего в его верхних и средних слоях.

[28] Конечно, КГБ поставляет бюрократической элите полученную своими специфическими методами информацию о настроениях страны — и она, видимо, отличается от картины, ежедневно рисуемой газетами. Однако можно только гадать, насколько и информация КГБ адекватна действительности. Парадоксально, что режим тратит сначала колоссальные усилия, чтобы заставить всех молчать, а затем тратит усилия, чтобы узнать, что же все-таки люди думают и чего они хотят.

[29] Этим, по моему мнению, объясняется то обстоятельство, что режим не решился произвести намеченное на начало 1969 года резкое повышение цен на ряд продуктов, предпочитая этому своего рода ползучую инфляцию. К каким последствиям может привести резкое повышение цен режим мог убедиться на примере “голодного бунта” в Новочеркасске после повышения Хрущевым цен на мясные и молочные продукты.

[30] Но это не пресловутая “уравниловка”, так как охотно мирятся с тем, чтобы многим было хуже.

[31] Как я мог видеть, многие крестьяне болезненнее переживают чужой успех, чем собственную неудачу. Вообще, если средний русский человек видит, что он живет плохо, а его сосед хорошо, он думает не о том, чтобы самому постараться устроиться так же хорошо, как и сосед, а о том, чтобы как-то так устроить, чтобы и соседу пришлось так же плохо, как и ему самому. Кому-то, может быть, эти мои рассуждения могут показаться очень наивными, но я мог наблюдать примеры этому десятки раз как в деревне, так и в городе и вижу в этом одну из характерных черт русской психологии.

[32] Как один из примеров этого можно привести необычайное распространение бытового воровства (наряду с сокращением воровства профессионального). Вот один из типичных эпизодов: двое молодых рабочих шли куда-то в гости, проходя по улице заметили, что одно из окон на первом этаже раскрыто, залезли и вытащили какие-то пустяки. А будь это случайно замеченное окно закрыто, они так и шли бы себе мимо. Видишь постоянно, как люди входят в дом, не здороваясь, едят, не снимая шапок, матерятся при своих же маленьких детях. Все это — норма поведения, а отнюдь не исключение.

[33] Здесь нет места говорить об этом, но заслуживает внимания и то, что Россия заимствовала христианство не у динамичной и развивающейся молодой западной цивилизации, а у закостеневшей и постепенно умирающей Византии, и это обстоятельство не смогло не наложить глубокий след на дальнейшую русскую историю.

[34] Нечто подобное происходило и в начале нашего века, когда традиционная монархическая идеология заменялась узко националистической, царский режим даже ввел в обиход выражение “истинно русские люди” в отличие от просто русских и инспирировал создание “Союза русского народа”.

[35] Потребность в живой националистической идеологии не только все больше ощущается режимом, но подобная идеология уже формируется в обществе, прежде всего в официальных литературных и художественных кругах (где она, видимо, возникла как реакция на значительную роль евреев в советском официальном искусстве), однако она распространяется и в более широких слоях, где имеет своего рода центр — клуб “Родина”. Эту идеологию условно можно назвать “неославянофильской” (не путая ее с отчасти проникнутой славянофильством “христианской идеологией”, о которой мы говорили раньше) — для нее характерен интерес к русской самобытности, вера в мессианскую роль России, а также крайнее пренебрежение и вражда ко всему нерусскому. Поскольку эта идеология не была непосредственно инспирирована режимом, а возникла спонтанно, режим относится к ней с некоторым недоверием (примером чему может служить запрещение фильма “Андрей Рублев”), однако с большой терпимостью — и в любой момент она может выйти на авансцену.

[36] Естественно, что большинство народа одобрило или отнеслось безразлично к введению советских войск в Чехословакию и, наоборот, болезненно переживало “безнаказанность” китайцев во время мартовских столкновений на реке Уссури.

[37] То есть к политике уже без всяких попыток прикрывать свои действия “интересами международного коммунистического движения” и тем самым как-то считаться с рядом независимых и полузависимых компартий. Что же касается роли армии, то она непрерывно возрастает. Об этом может судить каждый, хотя бы по такому любопытному примеру: сравним соотношение военных и штатских на трибуне мавзолея в дни демонстраций сейчас и десять-пятнадцать лет назад.

[38] Строго говоря, не само оно начало обе эти войны, но оно сделало все, чтобы они начались.

[39] Затем началась “верхушечная революция” — переход от кровавого сталинского динамизма сначала к относительной стабильности, а затем к современному застою.

[40] Заимствуя у нас даже терминологию — например, введенный Сталиным термин “культурная революция”.

[41] Я говорю здесь не о законности или незаконности территориальных претензий Китая к другим странам, в частности к Индии, а о методах их разрешения.

[42] Прежде всего такие, как крайняя перенаселенность некоторых районов, голод, экстенсивное сельское хозяйство, которому необходимо развиваться не вглубь, а вширь, и которое нуждается поэтому в новых территориях.

[43] Методы своего “союзника-врага” Китай уже мог оценить во время так называемой “дружбы навек”, когда СССР, используя экономическую и военную зависимость Китая, делал все, чтобы полностью подчинить его своему влиянию и, не добившись этого, полностью прекратил экономическую помощь, а затем пытался сыграть на национализме малых наций в Китае.

По-видимому, уже Сталин, как ранее Троцкий, понимал, что с победой коммунистов в Китае СССР приобретет в конечном счете не союзника, а опасного соперника, и старался, с одной стороны, способствовать затягиванию борьбы коммунистов с гоминданом, ослабляющей Китай, с другой — способствовать расколам внутри самой компартии Китая, в частности противиться влиянию Мао Цзе-дуна. Правда, на какой-то период КНР и СССР могли производить впечатление союзников, козыряя тем более одной и той же идеологией, однако полная противоположность их национально-имперских интересов и противоположность внутренних процессов в каждой стране — “пролетаризация” и подъем по жуткой “революционной кривой” в Китае и “депролетаризация” и осторожный спуск по этой кривой в СССР — быстро положили конец мнимому единству.

[44] Как это делал царский режим по отношению к Японии в начале века.

[45] Тем, кто не верит, что Китай из-за экономической отсталости сможет достичь быстрых успехов в ракетно-ядерной области, следует сравнить предсказания экспертов США и ООН о сроках создания в СССР атомной и водородной бомб с действительными сроками.

[46] О последствиях такой войны я говорю далее. Строго говоря, должен быть рассмотрен и еще один вариант: попытка покончить с китайской мощью путем обычного вторжения и оккупации всего Китая или его части. Однако, учитывая значительное численное превосходство китайцев и полный контроль китайского правительства над страной, такое вторжение кажется мне маловероятным.

[47] Не исключена возможность, что до нападения на Советский Союз Китай испробует свою мощь на какой-либо небольшой нейтральной стране, которая некогда входила в сферу влияния Китая и в которой есть китайское меньшинство, например Бирме, что будет пробным шаром для предстоящих “великих пролетарских революционных войн”.

[48] Насколько серьезна проблема растянутых коммуникаций, видно из такого примера: во время наступления на Северном Кавказе в 1942 году немцы были вынуждены подвозить горючее для своих танков на верблюдах. Сейчас Европейскую Россию с Дальним Востоком связывает только одна транспортная магистраль, на многих участках до сих пор одноколейная. Создание же воздушного моста окажется крайне дорогим и крайне ненадежным на длительный срок средством.

[49] В советской печати уже делаются попытки осмеять китайских солдат как фанатичных, но хилых и трусливых. Однако вот мнение советского военного специалиста, несколько лет проработавшего в Китае: “Китайский солдат выше нашего солдата, он вынослив, не склонен к тому, чтобы роптать, он храбр, у него огромная маневренная способность. Китайскому солдату прошагать в день пешком 70 километров — нетрудная штука... Наши пехотинцы, которые пришли в полное обалдение от китайской пехоты, пришли к заключению, что это лучшая в мире пехота...” (В. М. Примаков, Записки волонтера, М., 1967, стр. 212).

[50] Впрочем, они с жадным нетерпением ловят каждый ничтожный факт, свидетельствующий о ее “либерализации”.

[51] Нежизнеспособным, поскольку он не удержался в континентальном Китае и не смог бы существовать и на Тайване без поддержки США. Однако возможно, что в экономическом отношении Тайвань, благодаря опять же США, является гораздо более развитым, чем континентальный Китай.

[52] Подобно тому, как займы республиканской Франции продлили на несколько лет существование царского режима.

[53] Как это уже видно на примере сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия.